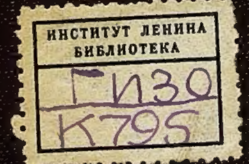
ОКТЯБРЬ
в Тверской
ГУБ.

ОКТЯБРЬ
В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

ТВЕРСКАЯ ГУБЕРН. КОМИССИЯ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ПРАЗДНОВАНИЯ 10-летия ОКТЯБРЯ и ИСТПАРТОТДЕЛ ТВЕРСКОГО ГУБКОМА ВКП(б).

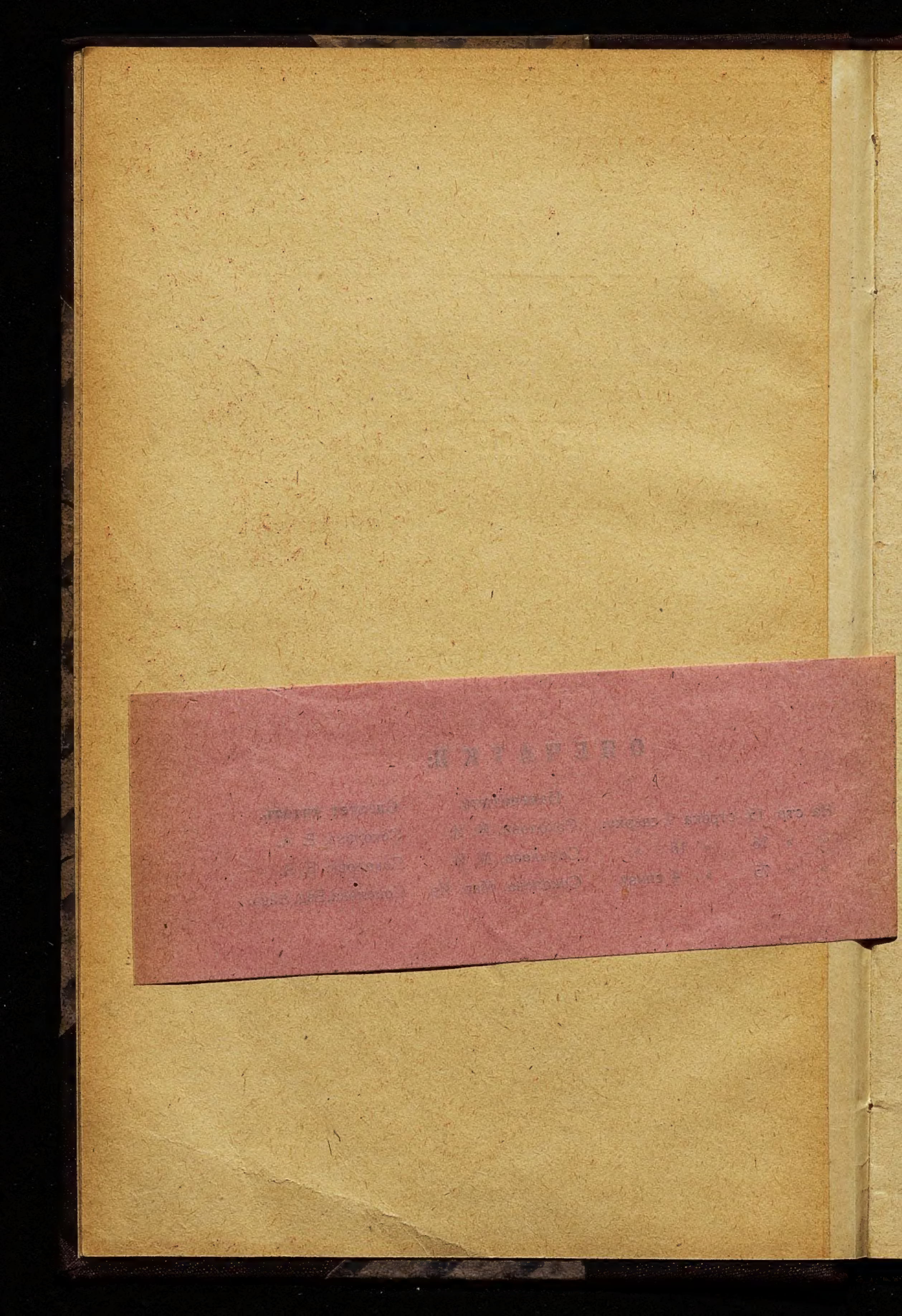
ОКТЯБРЬ
В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

ПО МАТЕРИАЛАМ ТВЕРСКОГО ГУБАРХИВА и ГУБИСТПАРТА

ОПЕЧАТКИ:

	Напечатано.	Следует читать.
На стр. 15, строка 9 сверху:	Соколова, М. И.	Соколова, Е. А.
» » 16 » 16 »	Соколова, М. И.	Соколова, Е. А.
» » 75 » 4 снизу	Соколова, Мар. Ив.	Соколова, Евд. Андр.

ТВЕРЬ — 1927

ТВЕРСКАЯ ГУБЕРН. КОМИССИЯ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ПРАЗДНОВАНИЯ 10-летия ОКТЯБРЯ и ИСТПАРТОТДЕЛ ТВЕРСКОГО ГУБКОМА ВКП(б).

ОКТЯБРЬ
В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

ПО МАТЕРИАЛАМ ТВЕРСКОГО ГУБАРХИВА и ГУБИСТПАРТА

СОСТАВЛЕНО П. А. КОЧЕТКОВЫМ

ТВЕРЬ — 1927

Набрано и отпечатано в Тверской Гостипографии имени Карла Маркса в количестве 3000 экз.

Гублит № 9402. Заказ № 410.

Экономическое положение Тверской губернии до Октября.

I.

Две главнейших особенности характеризовали экономику Тверской губернии в довоенное время: 1) быстрое и интенсивное развитие фабрично-заводской промышленности, 2) обеднение основной массы крестьянства.

За время с 1901-го года до 1913-го года промышленное производство увеличилось с 40363 тысяч рублей до 88226 тысяч рублей, т.-е. более, чем вдвое, а количество рабочих с 32429 до 49320 или на 52%. Основной капитал промышленности рос еще быстрее: по хлопчато-бумажным фабрикам, например, он утроился, по кожевенным заводам—увеличился почти в 2 ½ раза, в селикатном производстве—возрос вдвое, в писче-бумажном—втрое. Эти изменения совершались при сокращении числа предприятий: за тринадцать лет оно уменьшилось с 380 до 245. Таким образом, происходила концентрация производства, выражавшаяся в увеличении количества рабочих и основного капитала на каждое предприятие; перед нами был случай развития производительных сил при сокращении числа предприятий.

Это развитие производительных сил шло, главным образом, в пользу капиталистов. Происходило быстрое их обогащение, между тем как благосостояние широких народных масс или не улучшалось, или, если и улучшалось, то очень медленно. Достаточно указать, что в 1914-ом году средний по губернии месячный заработок рабочего составлял только 20 руб. 25 коп. (в хлопчато-бумажной промышленности, охватывавшей 60% рабочих, он был даже ниже—19 руб. 30 коп.); при бывшем тогда прожиточном минимуме около 9-ти рублей в месяц на человека, этого заработка должно

было не хватать уже для удовлетворения самых настоятельных физических потребностей рабочей семьи в 3 человека.

Только что указанное нами противоречие—обогащение одних за счет эксплоатации других—рабочим классом должно было мыслиться и восприниматься, как социальная несправедливость, требующая изменения социальных отношений.

Начавшаяся в 1914-ом году мировая война явилась мощным фактором дальнейшего революционизирования народных масс. Прибыли капиталистов не только не сократились, но даже увеличились: они стали получать не только нормальную, но даже сверхнормальную прибыль. Между тем, связанный с войной, колоссальный рост непроизводительного потребления вел к падению производительных сил, к понижению продукции. К 1917-ому году продукция фабрично-заводской промышленности губернии понизилась до 65004 тысяч довоенных рублей или на 26%. А с понижением продукции понижался уровень реальной заработной платы рабочих. С 1913-го до 1917-го года по важнейшим промышленным отраслям губернии произошло следующее падение среднего годового заработка одного рабочего в довоенных рублях: в силикатной и фарфоро-фаянсовой промышленности—с 219 до 125 рублей или на 43%, в металлообрабатывающей—с 395 руб. до 239 рублей или на 39%, в кожевенной—с 185 руб. до 136 руб. или на 26%, в писчебумажной—с 231 руб. до 132 руб. или на 43%; в хлопчатобумажной промышленности, отличавшейся вообще чрезвычайно низкой оплатой труда рабочих, средняя реальная зарплата к 1915-ому году несколько поднялась (с 161-го руб. до 178 руб.), а затем также стала уменьшаться и за два года упала на 6%.

При общем обеднении, при сокращении массового потребления еще резче бросалась в глаза нищета массы населения, обогащение и роскошь немногих. Так война и связанная с ней экономическая разруха вели к революции.

Февральская революция не внесла существенных изменений в положение: она не приостановила разрушения народного хозяйства. Об'ективные условия заставляли рабочих искать выхода в новой революции и в изменении социальной формы организации производства—в из'ятии предприятий из рук предпринимателей.

II.

Не лучше было положение и нашей тверской деревни: земельная нужда, чрезвычайно низкая производительность с.-хоз. производства, совершенно неудовлетворяющая основных нужд крестьянского двора, высокое податное бремя, несоответствовавшее доходности сельского хозяйства, высокие арендные платы за землю—вот общая картина крестьянского бытия.

В 1861 году при ликвидации крепостного строя, крестьяне Тверской губернии из общей площади в 5,2 мил. десятин удобной земли получили только 2,6 мил., т.-е. ровно половину (50%); 40% всей земли и, нужно добавить, наилучшей земли осталось в собственности дворянства. Остальная (10%) земля находилась в распоряжевии казны, уделов, церквей, монастырей и т. д.

Восемь тысяч населения из „благородного" дворянского сословия имели почти столько-же земли, сколько и полуторамиллионное крестьянское население.

В результате такого „освобождения", трудовое население деревни оказалось в тяжелом положении. Полученной ими земли при существовавшей трехпольной системе полеводства было недостаточно. Развивающаяся же фабрично-заводская промышленность далеко не могла поглотить всего избыточного сельского населения.

Такое положение вызвало усиленное стремление крестьян к увеличению площади своего землепользования путем покупки и аренды помещичьих и др. земель.

И мы видим, что уже в 1878 году крестьяне увеличили свое землевладение на полмиллиона десятин, а к 1913 году,—на 1,2 мил.

Одновременно с покупкой земли развивалась и крестьянская аренда.

В 1913 году почти 60% всех крестьянских дворов вынуждено было арендовать землю. Рост покупных и арендных цен на землю ярче всего характеризует необеспеченность деревни землею.

Так, например, продажные цены на землю возросли с 1882 г. по 1913 г. с 20 руб. до 126 руб., арендные цены на пашню только за три довоенных года возросли почти в 3 раза:

в 1910 г.—3 рубля, в 1913 г.—8 р. 26 к., арендные цены на сенокосные угодия возросли с 2 р. 60 к. в 1910 г. до 4 р. 50 к. в 1913 г.

Таким образом, к 1913 г. крестьяне увеличили свое землевладение с 2,6 миллионов до 3,8 мил. десятин.

В 1861 г. в наделе крестьян было 50% всей удобной земли, в 1913 году в их распоряжении находилось уже 73%.

И все-же, несмотря на значительное расширение крестьянского землепользования, обеспеченность крестьянского населения землею падала, так как естественный прирост населения обгонял рост крестьянского землевладения.

Понизилась также обеспеченность населения и другими средствами производства. В 1913 году безлошадные хозяйства составляли 21,7% к общему числу хозяйств. Число двухлошадных хозяйств в 1913 году сократилось по сравнению с 1882-89 г. г. с 21,6% до 18,8%, удельный вес трехлошадных хозяйств понизился за тот же срок с 4,9% до 3,4%. Наоборот однолошадные хозяйства с 49,5% повысились до 56,1%.

Удельный вес хозяйств с 3 и более коровами за 26 лет понизился в 2,5 раза; в восьмидесятых годах таких хозяйств было 19,7%, в 1913 г. только 8,8%.

Если в восьмидесятых годах 19-го столетия в среднем на одно крестьянское хозяйство приходилось 1,26 рабочих лошади и 1,8 коровы, то в 1913 году соответствующие цифры понизились до 0,91 лошади и 1,4 коровы.

Чтобы закончить характеристику положения крестьянства, укажем еще на необычайный рост крестьянских недоимок.

Если в 1902 году недоимки составляли только 15% всего годового налогового оклада на крестьян, то уже в 1907 году они выросли до 126,5% к окладу.

Несмотря на аннулирование большей части недоимочности, она снова выростала. И в 1913 году недоимки по земским платежам составляли 25% оклада, по земельному налогу—31%, по обязательному страхованию 29% и т. д.

Указанное положение крестьянства вынуждало его искать выхода в отходе на внеземледельческие заработки.

В 1913 году почти 300 тысяч взрослого населения находилось на отхожих промыслах.

Это обстоятельство еще более ухудшало состояние сельского хозяйства. Уменьшалась площадь пашни. В 1882 г. под пашнею было 1,45 мил. десят., а в 1913 году только 1,31 мил. дес.—сокращение на 10%. Плохая обработка земли, увеличение посевов льна при остающейся трехпольной системе полеводства и слабо развивающемся скотоводстве истощали землю. Урожаи были низки.

Крестьянское хозяйство оставалось по прежнему преимущественно продовольственно-зерновым. В 1913 году под рожью было 42% всей посевной площади, а в яровом клине 60% находилось под овсом и ячменем.

Единственной товарной культурой полеводства оставался лен. Но всей выручки от продажи льна далеко не хватало даже на покупку только хлеба, недостающего населению деревни. Вся же остальная часть крестьянского бюджета должна была покрываться доходами от внеземледельческих заработков.

Мировая война в еще большей степени ухудшила положение крестьянства.

Около 200 тысяч здорового рабочего мужского населения деревни было отвлечено войною.

Дальнейшая покупка земли крестьянами приостановилась, аренда сократилась.

В результате мы видим, что уже в 1916 году посевная площадь сократилась на 15% по сравнению с 1913 г. Число беспосевных хозяйств увеличилось с 11 до 12%, а число безлошадных с 21,7 до 28,4%; хозяйства с 2 лошадьми сократились до 14,5%. Число бескоровных хозяйств увеличилось с 16 до 20% и т. д. Ухудшилась так же обработка земли вследствие недостатка мужских рабочих рук.

Февральская революция никаких изменений в состояние деревни не внесла. 600 тысяч десятин лучшей земли оставалось по прежнему в руках помещиков. Примерно столько же было в распоряжении казны, уделов и пр.

III.

Тяжелое положение рабоче-крестьянских масс усугублялось надвинувшейся продовольственной разрухой.

Тверская губерния относится к губерниям потребляющим, она даже в урожайные годы не может прокормиться

своим хлебом и требует ежегодно довольно значительного ввоза хлебных продуктов. Так за пятилетие с 1909 г. по 1913 г. включительно ежегодный чистый ввоз хлебных грузов составлял около 12 миллионов пудов, а в 1917 г. с апреля месяца по 15 декабря было ввезено хлеба всего лишь 1733000 пудов, а между тем, по данным Губернской Продовольственной Управы к декабрю 1917 г. числилось голодающих около 1½ миллионов человек, т.-е. более ½ всего населения губернии. Временное правительство, издав в марте 1917 г. закон о хлебной монополии, не в силах было провести его, да и не было достаточно сильного и налаженного продаппарата. Несмотря на частые повышения твердых цен на хлеб, все же цены частного рынка росли гораздо быстрее и крестьянство производящих губерний отказывалось давать хлеб по твердым ценам голодающим губерниям. Цены на предметы питания в 1917 г. по сравнению с 1913 г. выросли от 4 до 10 раз и больше [1]).

Все эти причины: хозяйственная разруха, голод, затянувшаяся война—перед трудящимися массами повелительно ставили вопрос: или продолжать дальше посылать трудоспособное мужское население на бойню во имя доведения империалистической войны до победного конца, а остающихся в тылу обречь на голод и вымирание, или же свергнуть власть господствующих классов и самим взяться за переустройство хозяйства на совершенно новых социалистических началах.

Трудящиеся, и в первую очередь прелетариат, пошли по второму пути, указанному гениальнейшим вождем трудовых масс В. И Лениным. Пройдя через величайшие страдания гражданской войны, голода и эпидемий, к 10-ой годовщине Октябрьской Революции народное хозяйство Советского Союза, в том числе и Тверской губернии, перешагнуло довоенный уровень. Материальное положение рабочих и крестьян год от году улучшается, превзойдя довоенный уровень, налицо имеются решительно все предпосылки к тому, что благосостояние трудовых масс будет и дальше улучшаться, дойдя до той степени, на какой оно не может быть ни в одной капиталистической стране.

---

[1]) Цифры взяты из сборника „3½ года Советской власти в Тверской г."

Канун февраля.

Участие Тверских рабочих и крестьян в революции 1905 года, дружный отклик их на декабрьское восстание в Москве, с целью отвлечения воинских частей от нее, с целью воспрепятствования перекидке их туда из Петербурга,— не осталось без ответа со стороны царизма и буржуазии.

Массовые аресты и высылки, остановка фабрик на неопределенное время, прием поступающих при пуске фабрик рабочих с большим выбором,—вот каким путем они думали обезопасить себя от новых вспышек революционного движения.

Профессионалы-партийцы и часть активных рабочих-большевиков или были арестованы, или вынуждены были скрываться. Все это чрезвычайно сильно отразилось на работе Тверской социал-демократической организации, бывшей формально единой, несмотря на происшедший в партии раскол.

Часть непринятых на фабрики рабочих, активных участников в работе социал-демократических кружков и в событиях 1905 года, вынуждена была вернуться в деревню. С их приездом революционное движение среди крестьян усиливается. Они содействуют устройству митингов, демонстраций, маевок. При их посредстве распространяются листовки (прокламации) и революционная литература в деревне. Усиленными наблюдениями, арестами и высылками жандармерия добилась того, что движение постепенно ослабевало. Но совсем оно не прекращалось. Продолжалось распространение прокламаций и революционной (нелегальной) литературы, продолжалось ведение бесед с крестьянами на политические темы.

Оставшиеся в Твери члены социал-демократических кружков, потерявшие связи, в большинстве оставшиеся без работы, не имели возможности широко развить политическую

работу. Встречи их с рабочими влекли за собою увольнение последних с производства и многие рабочие исбегали этих встреч. Социал-демократическая интеллигенция взяла вправо, отошла совершенно от работы, занялась „самоусовершенствованием“, не обращая внимания на рабочих. Но отдельные социал-демократы старались развить работу. Постепенно они соединялись в кружки. В их ряды вливались возвращающиеся из тюрем и скрывавшиеся в других местностях товарищи.

Работа начала оживать. В 1907 году социал-демократической организации удается провести в члены II Государственной Думы своего представителя, тов. Ваганова.

Повели работу по организации профсоюзов. И к концу 1907 года в Твери работали 3 союза: текстильщиков (в Красной слободе), под председательством тов. Баранова (Рябой), ткача с Морозовской фабрики, деревообделочников и металлистов (по Борисоглебской улице). Однако, существование профсоюзов было недолговременно.

Полицией был установлен строгий учет всех посещающих союзы и за ними велось наблюдение, а затем, принимавшие участие в работе союзов рабочие, увольнялись с фабрик и заводов. Союзы не имели возможности защищать их. Постепенно работа слабела и в конце концов прекратилась совершенно.

Прошел ряд лет, и картина начала изменяться. Ряды местных партийных работников усиливаются высланными из других городов. Усиливается работа кружков. Начинает проявляться их влияние на массы.

В 1912 году удается провести ряд массовок. Распространяется среди рабочих газета „Правда“. В связи с Ленскими событиями происходит забастовка протеста на Залогинской фабрике. И, как ответ на нее, арест организаторов ее, в лице тов. Кокунова А. А. и др.

В 1913 году проводится кампания по созданию больничных касс. В некоторые из них (Берговская) удается провести большевиков.

Забастовочное движение усиливается. В майской забастовке участвует до 23.000 человек. Вскоре после нее на Вагонном заводе проводится забастовка солидарности с

рабочими Петроградского Вагонного завода. А после этого опять обыски и аресты.

Замечается оживление и в ближайших к Твери деревнях. Рабочими, местными уроженцами, чаще устраиваются собрания. На них выносятся резолюции, составляются петиции, направляющиеся затем в социал-демократическую фракцию Государственной Думы. Растет количество арестов за оскорбление „его величества". В судах масса дел по порубкам леса, ловле рыбы в районах помещичьих владений.

5 июня (23 мая) 1913 года группой рабочих, во главе с рабочим Вагонного завода Александром Семеновичем Козловым, после ярмарки в Сел. Пречистый Бор, устраивается демонстрация с красными флагами и пением революционных песен. Тов. Козлов, держа красный флаг, призывает собравшихся к об'единению вокруг него против „враждебного правительства".

Жандармерия всячески старается оолабить революционное движение, усиленно применяя в борьбе с ним провокаторство. Выявив при помощи провокаторов часть участников социал-демократических кружков, жандармерия занялась ликвидацией их.

В 1914 году для предупреждения майской забастовки производится 13 мая (30 апреля) ряд обысков. И хотя у большинства обысканных ничего „предосудительного" не нашли, все они были арестованы, по подозрению в подготовке к выпуску листовки (прокламации) с целью устройства забастовки 1 мая. Арестованы были: т.т. Андриан Иванов, А. В. Чесноков, А. И. Шучев, А. А. Кокунов, А. Ф. Чеснокова, Ф. С. Соковой, С. Н. Кулагин, И. П. Фоканов. Последние трое товарищей были освобождены, остальные приговорены к высылке из пределов Твери на 2 года, за исключением тов. Иванова, которому срок был увеличен до 3 лет.

Арест этот сильно отразился на работе организации, но на проведение 1 мая он не повлиял. Подготовка была уже сделана. Листовки отпечатаны. И в ночь на 1 мая они появились в разных местах города.

Весенними арестами жандармерия не удовлетворилась. При помощи провокаторов она продолжает выявлять остальных работников организации и в конце 1914 года вновь устраивает разгром, вновь производит массовые аресты.

Начало было положено арестом в Москве, работавшего в Тверской организации, тов. Криницкого, за печатанием прокламаций. А вслед за этим производятся обыски и аресты наиболее активных работников Тверской организации, в том числе Э. Х. Звиргздынь, П. М. и Р. М. Викманов, Г. А. Князева, Вилькс и ряд других товарищей.

В 1915 году, в связи с подготовкой к проведению дня „9 января“, арестуется вновь тов. А. В. Чесноков, по подозрению в подготовке к выпуску прокламации.

В революционное движение членами кружков вовлекались не только рабочие и крестьяне, но и солдаты. Этому содействовало и то, что, за недостатком помещения для размещения скопившихся в большом количестве в Твери воинских частей (до 20.000 человек), часть солдат размещена была на частных квартирах. Уже в маевках 1915 года участвуют драгуны, и среди воинских команд производятся обыски.

Усиленное наблюдение за высланными из других местностей товарищами, а также за рядом местных работников, провокаторство, аресты и высылки,—не могли приостановить все расширявшегося год от года движения.

Наступил 1916 год, год наивысшего оживления перед революцией партийной деятельности в Твери. Большевистская организация расширялась, росло количество кружков, росло ее влияние, большая масса рабочих втягивалась в работу.

Под ее руководством вспыхивают забастовки, то в Твери, то в уездах. Начало в этом году было положено Берговцами, не вышедшими на работу 22(9) января, в память „кровавого воскресенья“; 26 (13) февраля прекращают работу рабочие; Прядильного и Ткацкого отделов фабрики Рябушинского в В.-Волочке, в количестве около 3000 человек; 14 (1) марта—рабочие Тверского Епархиального завода; 1 мая (18 апреля)—Вагонного завода; 11 мая (28 апреля)—Морозовской фабрики; 15 (2) мая—стекольного завода Симаковой в В-Волочке, и так далее до конца года.

Началась перекличка между рабочими отдельных предприятий, проба сил, использование возможностей.

В последние годы перед революцией начинают проявлять деятельность и эсеры. Под фирмой Посреднического Товарищества Кооперативов в 1915 году начинает выходить эсеровская газета „Тверской Листок“. Появляются также их прокламации.

Меньшевики же вели себя спокойнее. Большая часть интеллигенции продолжала вести внутреннюю самообработку, работая в земской и городской управах, казначействе, суде, но часть из них принялась за обработку рабочих, пытаясь влезть в доверие массы. Одним из меньшевиков, земским инструктором Гамалеем, был создан кружок при Рождественском Обществе потребителей, при посредстве которого он вел подготовку к выборам представителей от рабочих в военно-промышленный комитет. Им распространялась среди рабочих литература, читались лекции по кооперации.

Вопрос выборов в военно-промышленный комитет содействовал расколу между большевиками и меньшевиками в Твери. Хотя уже в 1915 году по Твери распространялись листовки с призывами:

„Долой войну", „Да здраствует демократическая республика",, „восьмичасовой рабочий день", „конфискация помещичьих земель",—все же резкого разграничения большевиков от меньшевиков, в особенности в рабочей части, не было. При производстве же выборов в военно-промышленный комитет часть выборщиков в количестве 25 человек, во главе с представителями вагонного завода (А. Д. Хромов и др.) открыто высказала свой взгляд на войну, отказалась от участия в выборах и ушла с выборного собрания. И выборы были произведены оставшейся частью выборщиков.

С этого момента формируется большевистская организация под руководством старых большевиков, участников революционного движения 1905 года.

Но организация еще не была тесно сплочена, состояла из отдельных кружков, работавших самостоятельно. С возвращением в начале 1917 года с фронта части работников был поднят вопрос о слиянии кружков в одну организацию, и на двух конференциях происходит их об'единение; избирается общий городской комитет в составе т. т. Краснова Ст., Макарова Г., Минина, Бурова и Шибаева Ф. Для большей же связи кружков, был создан совет из представителей отдельных кружков.

Ко времени об'единения в Твери уже было 11 кружков с количеством членов до 120 человек, в то время, как в начале 1916 года было лишь всего 3 кружка. На этом организация не остановилась.

После выборов комитета выявилось, что член его тов. Минин, не придерживается взглядов большевиков, что вызвало его замену тов. Воробьевым. В связи с этим, решено было выявить, все ли члены организации придерживаются одного направления или есть в организации большевики меньшевики. С этой целью 6 марта (21 февраля) на заседании совета был поставлен вопрос, какой программы придерживается организация, в результате чего несколько товарищей, придерживавшиеся меньшевистских взглядов и не захотевшие их изменить, принуждены были выйти из организации.

Февраль в Твери.

Единственным способом более верного получения сведений о положении в Петрограде была живая связь. Поэтому Тверской Комитет большевиков услышав, что готовится всеобщая забастовка, отправил 9 марта (24 февраля) туда одного из своих членов, тов. Краснова Ст., для выяснения того, что там делается, и получения указаний к дальнейщей своей работе. На созванном, по возвращении тов. Краснова, 13 марта (28 февраля), экстренном заседании комитета был заслушан его доклад о поездке.

„Необходимо немедленное выступление"—говорит тов. Краснов.—„В Петрограде революция. Петроградские товарищи возлагают на Тверскую организацию большие надежды, так как по своему территориальному положению она может оказать им большую помощь. Нашим выступлением мы сможем помешать переброске войск из Москвы в Петроград".

Единогласным решением комитета было—„в среду, 14 (1) марта, пристановить работу и выступить на улицу с красными знаменами". Для детальной проработки плана выступления в тот же день был созван партийный совет.

Основные моменты этого плана следующие: фабрики и заводы остановить в 10 часов утра 14 (1) марта; рабочих всех фабрик собрать на дворе Морозовской фабрики; после общего митинга всей массой направиться к Желтиковским баракам для слияния с солдатами и вооружения, а затем в город—для демонстрации, освобождения политических заключенных и разоружения находящихся в городе казаков.

Для более стройного и планомерного проведения всего намеченного были избраны маршруты и распределены силы.

Основными лозунгами были установлены: „Долой войну“ „Долой самодержавие“, „Да здраствует революция“.

План сразу и полностью провести не удалось. Выявилась неподготовленность как массы, так и партийцев. Большинство предприятий остановлены не были. Залогинская фабрика хотя и была остановлена, но стражники, арестовавшие тов. Соколову М. И., останавливавшую фабрику, помешали вывести за ворота рабочих.

После небольшого совещания и выяснения ирнчин неудачи, был в тот-же день намечен план, по которому решено было начать с завода „Урсус и Мещанский“, куда была возможность попасть тов. Макарову, как работавшему там ранее и не взявшему еще расчета.

При помощи активных рабочих, завод „Урсус и Мещанский“ был остановлен. После митинга внутри завода с выступлением тов. Макарова Г., об'яснившего причину остановки и положение Петрограда, рабочие все вышли на улицу.

У ворот новый митинг. Выступает, подоспевший к этому времени тов. Александров (Ветлин) П. К. А затем—двинулись к Берговской фабрике.

Дорогой выкинуты красные флаги с надписями: „Долой войну“ и „Да здраствует революция“, приготовленные в ночь пред выступлением.

Берговскую фабрику остановили быстро. К ней попали во время смены рабочих—половина четвертого, когда одна смена выходила, а другая входила. Организовали митинг на площади, у трубы.

Вновь выступления бальшевиков—Александрова П. К., Макарова Г. И, Михеева М. К. Меньшевиков совсем не слышно.

По окончании митинга—общим потоком на Морозовскую.

Здесь по фабрике уже распространился провокационный слух: „Берговцы бить идут!“ И вместо того, чтобы итти на встречу пришедшим и узнать—в чем дело, рабочие и работницы (особенно Ткацкой фабрики) бежали от них разутые и раздетые. С большим трудом их удалось остановить и опровергнуть распространенные слухи. Рабочие

успокаиваются, выслушивают раз'яснения и уже одетые выходят на улицу.

Выводиться арестованный директор Ткацкой фабрики Марков, много насоливший рабочим за все прошлые годы, начиная с 1905, и захватывается демонстрантами с собой.

Опять митинги, уже не один, а сразу несколько, в разных местах. Народ все прибывает. Вливаются все новые и новые отряды рабочих. Вот и рабочие Русско-Балтийского завода.

„Долой, долой войну"—неслось с одного конца площади фабрики на другой.

Попробовал выступить меньшевик Дулишкин с предложением послать приветствие временному правительству, но его голос тонул среди тысяч голосов протестовавших против его предложения.

На призыв идти на Зологинскую фабрику освобождать арестованную Соколову М. И. двинулись всей массой, разветвившейся в разных направлениях.

Попытка некоторых партийцев провести демонстрацию более организованно окончилась неудачей:

> „.... Старик Шибаев старался в рамки поставить движущуюся стихию. Наивный, старый, испытанный партиец кричит—сиплым голосом:
>
> — Товарищи!... В ряды!...
>
> Не слушаются—сами себе хозяева... Бегут... каждый стремится обегнать друг друга. Ревут: Что?... Наших товарищей арестовывать?..." [1])

На пути, у Желтиковских бараков, цепь солдат учебной команды. Но их кучка, а рабочие с разных сторон надвигаются тучей, и солдаты опустили ружья.

Вот и Залогинская фабрика. Но она имеет уже другой вид. Не видно городовых и стражников,—они разбежались услышав о подходящих рабочих колоннах. Пополнившись Залогинцами, с Соколовой М. И. во главе, демонстрация двигается обратно на Морозовскую.

Вечером митинг на Берговской, в театре. Митинг ведут опять большевики. Попробовали выступить: кадет—присяжный поверенный Москвин, и управляющий Берговской фабрикой Матвеев, с предложением об'единиться и послать приветственную телеграмму временному правительству.

---

[1]) Воспоминания А. Соколова и Г. Макарова. Тверской Губистпарт. Дело № 4—119.

Против такого предложения выступает тов. Александров П. К. и оно проваливается.

Выступление за выступлением. Всех напряженно слушают, все разгорячены, не хотят уходить. Так до 12 часов ночи.

Затем митинг в Желтиковской роще, исключительно для солдат, продолжающийся почти всю ночь, до 5 часов утра. В результате постановление—солдатам выступить утром и слиться с рабочими.

А в промежутке, в свободные минуты между выступлениями на митинге, в подвале театра происходит первое организационное собрание большевиков—Берговцев с намечением ближайших задач—разоружение полиции, вооружение рабочих.

Десятки предложений—одно другого чуднее...

„... Голыми руками городового не взять...
— Нужно запасаться пустыми мешками...
— Один накрывает полицейского мешком, другой отнимает оружие...“
Многие на этом сходились и действовали. [1])

Так закончился первый день революционного выступления рабочих в Твери.

В то же время, в противоположной стороне, там, в центре, уже готовилось новое ярмо, составлялось новое „правительство“.

В то время, как большевистский комитет обсуждал доклад Краснова Ст. и намечал план действия, городской голова уже был осведомлен о данной царю отставке и организации Временного Исполнительного Комитета Государственной Думы. Им уже был отправлен и ответ за всю губернию, с выражением преданности и подчинения.

Подпорки самодержавного строя—земцы, дворяне, купечество, чиновничество—дрожали колебались, боялись выскользнуть из под царя, но одновременно боялись, чтобы их не похоронили с ним. Не хотелось упустить момента, чтобы повластвовать, поживиться самим, но и страшились последствий, если это не удастся.

[1]) Воспоминания А. Соколова и Г. Макарова. Тверской Губистпарт. Дело № 4—119.

С одной стороны, их манила власть, с другой—грозил губернатор, предлагая не опубликовывать телеграммы Временного Исполнительного Комитета Государственной Думы, а издать лишь воззвание с призывом к спокойствию.

Но жажда власти победила. Колебания кончились. Телеграмма распространяется. Из городских деятелей, земцев, помещиков, купцов и интеллигенции создается, по примеру центра, Временный Исполнительный Комитет об'являющий себя губернским органом новой власти.

Две силы.

15 (2) марта повсеместный праздник.

Не дымят трубы, молчат фабрики и заводы. Народ весь на улицах. Все движутся в одном направлении к своему рабочему центру—Морозовской фабрике, а оттуда к Желтиковским казармам, к солдатам.

А те уже с раннего утра вышли из бараков, избили противодействующих этому нескольких офицеров и одного генерала, и теперь шли навстречу к рабочим, неорганизованно, стреляя в воздух из винтовок.

Встреча. Об'ятия. Возвращение обратно. Вооружение рабочих винтовками, японскими штыками и другим оружием, какое нашли. И общей массой окраина двинулась к центру, в город.

Дорогой недоразумение с меньшевиками: протестуют против знамени с лозунгом: „Долой войну". Никто не слушает. Они срывают знамя. Его прикрепляют снова, и оно вновь колышется над демонстрантами.

Дошли до соборной площади. Здесь уже большая толпа народа, состоящая из ранее пришедших солдат и рабочих. Они уже побывали в губернаторском доме. Арестовали губернатора. Среди них есть пьяные, побывавшие в губернаторском погребе.

Толпа возбуждена. Слышатся песни. Массовая стрельба в воздух. Губернатора захватили с собой.

Вновь испеченный Временный Комитет обеспокоен поведением демонстрантов. Руководители его, из окна занятого ими дворянского собрания, стараются воздействовать на демонстрантов—речами. А те продолжают свое дело: разо-

ружают и арестовывают городовых, приставов, околодочных, разогнали уже охранку, освободили из тюрьмы арестованных.

Уголовные арестованные также выскочили из камер и подожгли тюрьму, а через некоторое время запылала по их милости и охранка.

Мрачные ходили приверженцы старого строя. Некоторые из них пытались нарушить спокойный характер демонстрации. Так, один прапорщик застрелил солдата (тов. Белякова), за то, что тот не отдал ему „честь". На выстрел стали сбегаться рабочие, прапорщик пытался скрыться, но его настигли и убили. Убит был также губернатор при отводе его на гауптвахту. Есаул сотни казаков, стоявших за Волгой, хотел с помощью их разогнать рабочих и солдат, но казаки отказались повиноваться, и он с досады застрелился.

Под напором развивавшихся событий, самочинно создавшийся, Временный Исполнительный Комитет вынужден был включить в свой состав представителей рабочих. Об этом член комитета заявил в своем приветствии, и от демонстрации представителями были выделены Ст. Краснов и Г. Макаров.

Первое же выступление рабочих в Комитете вызвало столкновение.

Повод—предложение: „выразить соболезнование нашему уважаемому Червен-Водали, пострадавшему при защите губернатора". (Червен-Водали—кадет, пробовавший защитить губернатора от масс).

Большевики—против предложения. Большинство—за.

И большевики уходят на улицу, бросая остающимся слова: „мы будем аппелировать к массе! Она с нами!" [1])

Постепенно город принял свой прежний, спокойный, чопорный вид.

Окраина же,—фабричный район,—продолжала бурлить, волноваться. Продолжала нервно обсуждать происшедшее. Митинг за митингом. Собрание за собранием. Вспоминался 1905 год. То время, когда была своя власть — Совет Рабочих Депутатов.

[1]) Воспоминания А. Соколова и Г. Макарова. Тверской Губистпарт. Дело № 4—119.

А в городе, не успели еще рабочие разойтись, начались погромы.

Это уголовники принялись громить рынок и прилегающие магазины.

Временный Исполнительный Комитет растерялся, не знает, что делать. Он с радостью принимает предложения тов. Краснова Ст. об организации для охраны порядка милиции. Начальником милиции выделяется меньшевик Вас. Панов, вербующий ее из учащихся и интеллигентов.

На фабрике свои порядки. Здесь также идет запись в милицию. Часть большевиков превращается в милиционеров, чтобы иметь возможность получить оружие. В следующие дни они производят обыски, отбирают оружие и большую часть его сдают в партийный комитет, отдавая начальнику милиции (меньшевику) лишь кобуры от наганов.

Через несколько дней после первой демонстрации вновь идут колонны рабочих и солдат с окраин в центр. Вновь колышатся знамена. Слышится похоронный марш.

Среди рядов—гроб с первой жертвой революции, солдатом Беляковым убитым офицером за неотдание чести.

Это были первые гражданские похороны в Твери.

18(5) марта назначаются выборы депутатов рабочих в Совет.

Выборные собрания назначены на 5 часов.

Большевики стараются использовать свободное время на обсуждение кандидатур и тактики выборов. Узнав об этом, меньшевики решили без помехи провести своих представителей.

И около 2 часов дня побежали по казармам Морозовской и Берговской фабрик малыши-гонцы с извещением:

„В 2 часа на выборы Совета“.

Кто собирает собрание—неизвестно. Но собрания были каждый день, и рабочие уже привыкли к ним и начали собираться...

Выборы подходили к концу когда пришли большевики. Победа осталась за меньшевиками. Из 70 человек избранных, всего прошло два большевика, остальные же меньшевики или им сочувствующие.

Большевикам осталось лишь одно—протестовать. Добились впоследствии кое-где перевыборов, и количество большевиков в Совете было увеличено до 15 человек. Но основная кампания была сорвана. 16 членов Совета было избрано во Временный Исполнительный Комитет, вместо выделенных на демонстрации.

Одновременно с рабочими, избирали свой Совет и солдаты, но не одни, а вместе с офицерами, поэтому он был назван Советом Военных Депутатов. Исполнительный Комитет Совета, состоящий из 4 офицеров и 7 солдат, целиком вошел в Губернский Временный Исполнительный Комитет, а один из членов стал членом президиума последнего.

С первого же своего заседания меньшевистский совет открыто стал на сторону буржуазии. Чтобы угодить ей, он решил возможно скорее пустить в ход фабрики и заводы. Совет хотел заставить рабочих опять подчиниться Маркову и ему подобным, об'ясняя это необходимостью сохранения боеспособности армии, необходимостью продолжать войну.

Меньшевики проповедывали защиту отечества в то время, как рабочие кричали: „Долой войну!“ И уже с первых дней революции наиболее сознательная часть рабочих пошла не за меньшевиками, а за большевиками...

Февраль в провинции.

Если в губернском городе правильные сведения о том, что делается в центре, получались с большим трудом, то об уездах, а тем более о деревнях—и говорить не приходилось.

Большевистских организаций в уездах почти не было. В таких уездах, как В.-Волоцкий и Ржевский, где перед 1905 годом велась довольно активно партийная работа, пред 1917 годом работа чрезвычайно ослабела.

Среди рабочих Вышневолоцких фабрик и заводов работали отдельные партийцы, пытавшиеся создать партийную организацию, но организуемые ими кружки быстро обнаруживались полицией и уничтожались. Лишь возникший в 1913 году кружок самообразования, вставший в 1914 году на платформу „Правды“, пополнившийся группой политических высланных из других местностей, оказался более

живучим. Но, несмотря на все принимавшиеся меры, и об этом кружке стало известно полиции. Началась слежка за отдельными членами кружка. Мобилизация части товарищей в 1916 году и высылка в Бежецк т. т. Артюхина М. И. и Афанасенковой А. В. окончательно ослабили его работу.

В Ржеве перед 1917 годом работал Латышский кружок социал-демократов большевиков, но он вел работу лишь среди латышей, работавших в эвакуированных мастерских и заводах. Среди железнодорожников работали меньшевики-одиночки.

Довольно сильная группа большевиков, высланных из других городов собралась в Кимрах, работы же развернуть там они не смогли, за неимением крупных фабрик или заводов ни в Кимрах, ни в окрестностях их. Работавших на двух обувных фабриках нескольких сот рабочих-полупролетариев, полукрестьян и кустарей одиночек партийной работой заинтересовать не удалось. Солдаты (2-й коренной парк) стояли за Волгой, в Калязинском уезде, туда нельзя было попасть без разрешения исправника.

В остальных уездах партийная работа почти не велась.

В февральские дни во всех уездах, как и в Твери, наиболее революционная часть населения занялась разоружением полиции и очисткой от нее учреждений (казначейства, управы, военных складов), попутно вооружаясь сами.

А буржуазная верхушка организовывала Временные Исполнительные Комитеты, под различными названиями, из земцев и городских гласных, вернее из помещиков и купцов, с небольшим количеством интеллигенции, поддерживающей их.

Когда о создании таких комитетов узнавали рабочие и солдаты, они волновались, протестовали, но сделать ничего не могли, слаба была организация, нехватало сил.

Наиболее оживленно и своеобразно протекала работа в Кимрах. Как и в других городах, здесь организовался Временный Комитет Порядка из 7 человек, все цвет буржуазии: фабриканты Столяровы, купец Рыжков и др.

Этот комитет не сумел удержаться у власти. Переусердствовал в первые же дни. В первом же своем воззвании он показал себя. Он требовал в нем от граждан „спо-

койствия и порядка", обещая обо всем остальном позаботиться сам. В чем же выразились эти заботы?

— Кимрская полиция отныне реорганизуется в милицию.

— Бывший пристав Бубнов, как знаток милицейской службы, назначается начальником милиции. Новой милиции (т.-е., просто переименованной полиции) все должны безусловно подчиняться. [1]).

Постановление было об'явлено населению, которое энергично запротестовало против такого способа поддержания „порядка" и „спокойствия".

Воспользовавшись этим, большевики начали разоблачать новых деятелей и смысл их постановления. Население поддержало их, и Комитет Порядка вынужден был ликвидироваться так же быстро, как и создался.

Взамен его был избран Гражданский Комитет из представителей рабочих местных фабрик, кустарей-сапожников, крестьян и социал-демократов большевиков.

Одновременно в Кимрах был избран и Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, с первых же дней своего существования, оказавшийся под влиянием большевиков.

В других уездах организация власти проходила более однообразно. Несколько слов следует сказать еще о Ржеве, переуплотненном воинскими частями, где все было пропитано военной дисциплиной, и даже гражданское население должно было ей подчиняться. В связи с этим, еще труднее было проводить революционную работу, и даже о начавшемся уже революционном движении здесь говорили шопотом. Не удалось здесь даже устроить митинг, ввиду не разрешения военными властями. Лишь в ночь на 15 (2) марта группой офицеров выпущена была листовка, указывающая на необходимость сплочения всех граждан и гарнизона под знаменем восставших.

---

1) Звиргздынь Э. Х. „Из недавнего славного прошлого". „Тверская Правда", № 180.

От Февраля к Октябрю.

Начало работы.

Меньшевистско-кадетская власть старалась закрепиться.

Вошедшие во Временный Исполнительный Комитет представители Советов Рабочих и Военных Депутатов несколько изменили политическую физиономию Комитета. Произошла перегруппировка сил: вместо кадетствовавшего правого—Червен-Водали председателем комитета стал меньшевик—Забелин Л. В. В связи с укреплением у власти меньшевиков, их организация получила возможность пользоваться всеми благами и преимуществами. С первых же дней они начали вербовку членов, во всех районах у них были приспособлены для этого помещения.

Эсеры от них в этом не отставали. Они также вели агитацию за вступление в их партию. Особенным успехом они пользовались среди солдат, где имели много своих сторонников. Но это их не удовлетворяло.

Укрепившись в Посреднических Товариществах Кооперативов, они через низовые кооперативы решили привлечь на свою сторону крестьянство, что, хотя и не надолго, им удалось.

Большевики же первые дни были заняты организацией массы. Собирались как и раньше кое-где, по частным квартирам. Рабочие-активисты, походив по собраниям и познакомившись с направлением разных партий, приставали к большевикам с вопросом: „когда же вы регистрировать будете?“.

И, не ожидая регистрации, постепенно приближались к партии, а некоторые из них, не вступив еще в партию, уже выполняли партийные задания.

Организация быстро стала расти. Необходимо было вести занятия с членами. Необходимо было наладить работу среди беспартийных. Встал вопрос об организации клуба. Подыскали для него помещение (трактир Собранского, в доме Кирсанова, в Красной слободе). Устроили сбор средств на него с членов инициативной группы, затем с членов партии. Помогли кое-чем фабкомы; так, Берговский достал—большой самовар, две сажени дров, несколько скамеек, продукты; некоторую сумму денег собрали с директоров фабрики. Участвовали организаторы клуба и личным трудом. И 25 марта клуб был открыт.

Наплыв желающих посещать его был огромный: ко дню открытия записалось уже до 600 человек.

В клубе получались для общего пользования газеты: „Правда", „Социал-Демократ", и другие; была довольно обширная партийная библиотека.

Для большего удобства ведения работы среди членов партии, они были разбиты на районы, в которых были избраны районные партийные комитеты.

Лозунг „долой войну" вначале не был осознан большинством рабочих. После же постановки ряда докладов, раз'ясняющих его, большинство их оказалось за него. И уже 8 апреля (26 марта) бывшие на митинге в театре при фабрике Берга, рабочие и солдаты заявили в своей резолюции:

> „...Революционный народ не желает далее служить орудием в руках воинствующей буржуазии... ...считает бессмысленным продолжение настоящей братоубийственной войны... ...а потому постановили требовать, чтобы временное правительство немедленно открыто заявило о готовности русского народа к миру без аннексий и контрибуций, на основе права наций на самоопределение".

Большое участие тверские большевики приняли в кампании по выборам Фабрично-Заводских Комитетов или, как их еще называли, Комитетов Рабочих Депутатов. Такие комитеты избирались рабочими отдельных фабрик и их отделов (Местные Рабочие Комитеты, Советы Старост). Они были низовыми рабочими организациями, наблюдавшими за общим ходом событий, об'единявшими рабочих данного предприятия, защищавшими их интересы.

Эти выборы показали, за кем идут массы. Как на Берговской, так и на Морозовской фабриках рабочие в большинстве голосовали за большевиков.

В уездах же, где большевистские организации были еще в зародыше в Фабрично-Заводские Комитеты, как и в Советы, попали большею частью меньшевики или меньшевиствующие. Например, в В.-Волочке, на фабрике Рябушинских, Фабрично-Заводский Комитет был избран из состава делегатов от цехов (1 от 26 рабочих), в количестве 10 человек, состоявший большею частью из меньшевистствующих, всем составом вошедший в Уездный Комитет Общественной Охраны (Уездный Временный Исполнительный Комитет), как представители рабочих. Эта группа явилась инициаторами Уездного Совета Рабочих Депутатов.

Фабрично-Заводские Комитеты занимались как политической, так и экономической работой. Они устраивали митинги и собрания. Одновременно заботились и об улучшении экономического положения, договариваясь с администрацией о повышении заработка и уменьшении количества рабочих часов до 8. Последнее достигалось с большим трудом.

Морозовским ФЗК из своей среды было выделено несколько комиссий: продовольственная, жилищная, культурно-просветительная,—занимавшиеся вопросами снабжения рабочих продуктами, удовлетворением их культурных потребностей.

Солдаты также избирали свои ротные, полковые и т. д. Советы Солдатских Депутатов, об'единявшиеся также в городском масштабе. В некоторых случаях в выборах участвовали и офицеры (Тверь, Ржев), вследствии чего изменялось и название их: вместо „Солдатских“ они назывались „Военными“.

В этот же период возникают вновь профессиональные союзы. Текстильщики, металлисты, печатники и рабочие других профессий начинают друг за другом об'единяться в союзы. С созданием новой организации—новая борьба между партийными группировками. В результате—у текстильщиков и металлистов часть мест членов правления получили большевики, у печатников укрепились меньшевики, не говоря уже о союзах служащих, медиков, просвещенцев, где среди членов правлений были и представители более правых группировок.

В уездах большею частью в первое время создавались общие союзы рабочих и служащих разных профессий, из

которых позже стали выделяться союзы отдельных профессий.

14 (1) мая в Твери собирается первый Губернский с'езд Советов Крестьянских Депутатов, продолжающийся 4 дня, с участием 380 человек представителей мест. На нем по всем обсуждавшимся вопросам принимаются резолюции, предложенные эсерами.

А через неделю после крестьянского с'езда—1-ый с'езд Советов Рабочих и Военных Депутатов, с участием 80 человек. Большинство с'езда меньшевистское. Это отражается на всей работе с'езда и в принятых резолюциях.

Во время с'езда становится известным о приезде в Тверь из Сибири тов. Вагжанова. Происходит демонстрация встречи его. Несмотря на рабочий день, большинство рабочих покинули свои мастерские для встречи старого своего товарища, своего вождя.

Прямо с вокзала, окруженный тысячами рабочих, тов. Вагжанов направляется на с'езд.

Обе фракции, и большевиков, и меньшевиков, с нетерпением ожидали выступления тов. Вагжанова,—на чьей он стороне, какую партию поддерживает. И, наконец, услышали от него, что он стоит на платформе „Правды". Большевики вздохнули свободнее, меньшевики — нахмурились.

Замечая, что влияние большевиков на рабочих все усиливается, меньшевики (внефракционные) стали поговаривать об об'единении обоих партий, они старались вовлечь большевиков в свою организацию. С этою целью, с помощью доктора Койранского, состоявшего в то время в большевистской организации, но имевшего связь и с меньшевиками, последние уговорились сделать совместное совещание. Встретившиеся делегации большевиков и меньшевиков не смогли договориться.

Койранский, уличенный в ведении двойственной политики, был в мае месяце большевиками из партии исключен и отозван из совета, куда прошел, как представитель большевиков. Но после оглашения большевистского заявления об отзыве Койранского, представитель меньшевиков заявил, что Койранский остается в Совете, как представитель меньшевиков (внефракционных).

Работа большевистской организации проходила в очень тяжелых условиях. Слаба она была пропагандистскими, интеллигентскими силами, в то время, как у меньшевиков их было большое количество. Доходило до того, что для прочтения лекций в клубе приглашались меньшевики, как напр., Панов В. А.

С большими трудностями было связано и ведение печатной агитации. Типографии своей не было. В имеющихся в Твери типографиях большевистские листовки печатать не представлялось возможным, ввиду противодействия этому со стороны владельцев, а также и меньшевистски настроенного союза печатников. И листовки выпускались тайком, с помощью членов партии и сочувствующих рабочих типографии (чрез тов. Тупикова).

Затруднено было и получение газет. Стоило только посланному опоздать к поезду, как присланные для организации большевистские газеты „Правда", „Социал-Демократ"—пропадали неизвестно куда.

Постепенно организация стала укрепляться и силами.

Возвратились старые работники: т. А. Иванов, А. И. Криницкий, И. А. Невский, А. П. Вагжанов и др. Приехал тов. Аросев А. Я., командированный Центральным Комитетом партии. Работа начала вестись шире и более систематически.

Если тяжело было работать большевикам в Твери, то в уездах это было сопряжено с еще большими трудностями. Но и здесь постепенно начинает налаживаться работа большевистских организаций. Одна за другой возникают они. Об'единяются одиночки большевики во Ржеве, организуется инициативная группа в Кимрах во главе с т.т. Баклаевым, Викман, Звиргздынь. Завязывают связь с Московским Областным Комитетом.

В первые же дни марта, с возвращением высланных товарищей, возрождается работа большевистской группы в Волочке, под названием—„местная организация социал-демократов", без прибавления слова—„большевиков". Организация быстро стала расти за счет рабочих и солдат. Основной базой работы организации был организованный большевиками в начале апреля месяца и руководимый ими „Общий Профессиональный Союз" и Олитский Конский

Запас. С самого начала В.-Волоцкая организация высказалась за платформу тов. Ленина.

22 мая организация находит необходимым положить конец партийной неопределенности, приняв название: „Вышневолоцкая организация РС-ДРП большевиков“.

Очень быстро развилась работа Кимрской организации. Ей удалось взять руководство работой не только в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, но даже и во Временном Исполнительном Комитете. Меньшевики и эсеры здесь не смогли даже с‘организоваться и, в противоположность всем другим уездам, они имелись в крайне незначительном количестве.

Организация всячески старалась раз‘яснять населению текущий момент, указывала недочеты в работе временного правительства, и пути к их исправлению, агитировала за переход власти к советам и против войны.

Губернский Временный Исполнительный Комитет, в состав которого входили представители разных политических взглядов, не имел в своей работе твердого направления. Его постановления были нерешительны и противоречивы.

На одном из своих заседаний он решает сообщить Комитету Государственной Думы, что „в восстановлении должности губернатора хотя бы и измененной—не нуждается“. Несколькими строчками ниже он соглашается с принципом избираемости губернатора.

А на следуюшем своем заседании, комитет даже протестует против предложения временного правительства об освобождении арестованных старых деятелей.

Комитет осмелел до того, что не признал инструкции временного правительства о порядке назначения губернского комиссара. По мнению Комитета, комиссар должен был подчиняться ему, а не комитет подчиняться комиссару.

Постановка этого вопроса вызвала приезд в Тверь специального уполномоченного для выяснения положения. Договорились на том, что Исполнительный Комитет комиссара признал, а временное правительство разрешило его выбрать и сделать председателем Исполнительного Комитета. Этот период времени известен под названием „Тверская республика“.

Организация крепнет.

Наступило 1 мая (18 апреля). С большой торжественностью прошел этот день, как в Твери, так и во многих уездах.

Большевики шли на демонстрации со своими партийными лозунгами и основным из них—„Долой войну“. Меньшевики пробовали уговорить не выставлять таких лозунгов, идти под лозунгами Совета, указывая, что выставляемые большевиками лозунги могут вызвать столкновения. Уговоры их не подействовали. Большевики отказались снять свои лозунги. С ними шли целиком 56 и 57 полки и все Берговские рабочие, а так же часть Морозовских. Не обошлось без мелких столкновений, ввиду попыток со стороны нескольких групп чиновников и служащих сорвать плакат с лозунгом „Долой войну“.

Празднование в уездах мало чем отличалось от Твери. Также демонстрации и митинги, но там смелее были меньшевики, их голоса звучали громче.

Праздник проводился и в ряде сельских местностей, где на митингах так же раздаются голоса против войны. Так, крестьяне нескольких деревень Яковлевской вол., Корчевского уезда призывают кончить „братоубийственную бойню народов“ и заключить „вечный мир“, а также требуют „конфискации удельных, монастырских, церковных, помещичьих и частновладельческих земель“.

Недели через две после празднования 1 мая, Тверскими большевиками была проведена демонстрация-протест против суда над Фридрихом Адлером, под лозунгом „Долой войну“, с участием в ней не менее 10 тысяч человек. Митингом было послано приветствие т.т. Ленину, Зиновьеву, Либкнехту и Адлеру.

В конце мая приступлено к организации Красной Гвардии, и в скором времени создан был небольшой, но крепкий отряд человек около 120. Попытка оформить Красную Гвардию чрез Совет Рабочих Депутатов была неудачной. Совет утвердить ее не согласился.

Большевистская организация все возрастала. К 1 июня в Твери уже было около 800 членов.

Приезжавшие для инструктирования и налаживания работы из Московского Областного Бюро т.т. В. Сокольников и А. Ломов отмечают в своих докладах, что „работа организации налаживается, город правильно разбит на подрайоны с комитетами во главе. Систематически проводятся собрания“.

Работа организацией велась большею частью митинговая, причем в неделю проводилось от 4 до 10 митингов. На митингах постоянная борьба с эсерами и меньшевиками.

Неоднократно устраивались и лекции, причем лекторами уже являются большею частью рабочие. Темами их были: „война и текущий момент“, „война и революция“, „аграрный вопрос“, „поход капиталистов на рабочих и наши задачи“ и т. п.

Ввиду недостатка пропагандистов, в Тверском комитете несколько раз поднимался вопрос об устройстве для их подготовки школы, но каждый раз он все откладывался, и школа в дооктябрьский период организована не была.

Большая работа проводилась большевиками у солдат. Военная организация насчитывала уже до 150 членов. При смене частей, все чаще стали повторяться случаи отказа от фронта.

Поднят был вопрос о приобретении типографии и стали подыскивать подходящую. Нашли в Кимрах, стоимостью 35000 рублей, но такой суммы у организации не было. Комитетом решено было произвести сбор средств и просить у Московской военной организации ссуду в 10000 рублей.

Во время поездок членов комитета, для приискания типографии, выявилось, что в ряде уездов есть небольшие организации большевистского направления, не связанные с Тверью, а имеющие непосредственную связь с Петроградом и Москвой, путем переписки и поездок туда от случая к случаю. И Тверской Комитет признал необходимым связаться со всеми существующими в губернии партийными организациями большевиков, посредством переписки и об‘ездов.

Движение растет.

Вследствие слабого подвоза хлеба и других продуктов—их нехватало. Цены росли. Плата за труд не увеличивалась. Все это возмущало рабочие и доводило до забастовок, потому что мирные пути, при помощи созданных меньшевиками примирительных камер, давали весьма слабые результаты.

Еще в апреле месяце толпы женщин осаждают продовольственное бюро с требованием раз'яснений о причинах невыдачи пшеничной и ржаной муки. Позднее задержки в выдаче случаются все чаще и чаще.

В июне уже наблюдаются продовольственные беспорядки в Вышнем Волочке, Кимрах. В Бежецке и других городах—тревожное настроение.

Продовольственная управа считает состояние плачевным: „запасы привозного хлеба иссякли, местного—собрать не удается. Наряды не выполняются; силой для мобилизации хлеба управа не обладает, продовольственные управы 5 наиболее хлебных уездов, получившие авансы на заготовку хлеба, его не доставляют“.

Все усиливается брожение среди рабочих за увеличение заработной платы. Временный Исполнительный Комитет вынужден передать в заведывание Городской Управы трамвай и электрическую станцию, ввиду невыполнения администрацией последней требований рабочих о прибавке на дороговизну, несмотря на то, что требования эти признаны справедливыми и примирительной камерой.

Три месяца хозяйничания буржуазии показали рабочим, что для них Февральская революция ничего не дала.

Тем сочувственнее относились они к лозунгам большевиков, звавших к освобождению, указывавших пути к нему. И количество сторонников большевиков, требовавших передачи власти Советам, требовавших вооружения рабочих, с каждым месяцем все увеличивалось.

Крестьяне также начали шевелиться. То там, то здесь, по деревням стали появляться агитаторы, предлагавшие брать в свои руки землю.

Крестьяне живо откликались на эти призывы и немедленно начинали проводить их.

Например, на границе Чистинской и Пореченской волостей Бежецкого и Весьегонского уездов С. Е. Крыловым был созван митинг в количестве до 600 человек, где решено: „снять с работ в имениях батраков не путем насилия, а путем раз'яснения; всем управляющим имений предложить убраться из них немедленно; во всех имениях поставить охрану из крестьян; снабдить всех пострадавших в связи с войной лошадьми, сельско-хозяйственным инвентарем и дойными коровами для временного пользования, аренду за пашню и покос не платить, а ассигновать определенную сумму и от своего имени послать „в финансовый отдел при Совете Рабочих и Солдатских Депутатов на нужды революции“.

Не обойден был в докладе Крылова и партийный вопрос, так как в резолюции есть такое место:

„...Ознакомившись с программой и уставом РСДРП принимаем их полностью и единогласно...“

Для приостановки агитации Крылова Чистинский Волостной Комитет и священник села Черемисы за своими печатями выпустили специальное воззвание приглашавшее крестьян „арестовать черносотенца, требующего немедленного перехода земли в распоряжение крестьян“.

В Сукроменской волости Бежецкого уезда появился другой агитатор М. И. Малышев, агитировавший за немедленную ликвидацию войны, захват в свои руки частновладельческих земель и присоединение крестьян к большевикам.

Происходят „сборища и агитация приезжих большевиков“ и в Вышневолоцком уезде.

А как результат таких выступлений—захват земель.

С усилением движения, в него стали все больше вовлекаться и женщины. Одним из крупных женских собраний было, устроенное Кузнецовским комитетом большевиков 17 (4) июня, на котором присутствовало около 300 человек солдаток. Избранный собранием комитет, из 6 человек, от имени всех солдаток потребовал увеличения пайка с 6 до 20 рублей в месяц и выдачи его ежемесячно, а не в 3 месяца раз, как делалось до этого. В своем заявлении указали они и источник средств. Это:

„...беспощадное обложение капиталистов, получивших огромные барыши...“

Обращаясь к Совету Солдатских Депутатов, они требуют от него:

„...решительных действий в достижении цели, вплоть до захвата власти в свои руки, что несомненно приблизит к намеченной цели...“

Такова была обстановка в Твери и губернии к моменту призыва петроградских большевиков к вооруженной демонстрации—24 (11) июня.

Тверская организация к этой демонстрации не успела подготовиться, зато мирная демонстрация 1 июля (18 июня), проводившаяся по постановлению с‘езда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, вылилась во внушительную демонстрацию против войны, в пользу Советов, за передачу им власти.

Противники устройства демонстрации старались всяческими способами помешать ее проведению.

По городу распространялись слухи о предполагающемся в этот день, в связи с выступлением большевиков, разгроме магазинов, об уничтожении местных „буржуев“ по имеющимся „у кого-то“ спискам.

Все страхи буржуазии, боявшейся за свои сундуки, боявшейся расплаты, оказались напрасными. Ее час еще не пришел.

Стройными колоннами двигались демонстранты—железнодорожники, заволжский район, затьмацкий,—с развевающимися над ними большевистскими знаменами и плакатами.

Демонстрация 1 июля (18 июня) показала, за кем идут рабочие.

Попытка эсеров, выпустивших со своим лозунгом группу офицеров и юнкеров, привлечь на свою сторону хотя часть демонстрантов,—окончилась для них полнейшей неудачей. При встрече с ними демонстрантов, на углу Мироносицкой и Скорбященской улиц, плакат от них был отобран и они разошлись ни с чем.

Меньшевики не показывались. Они чувствовали свой приближающийся конец и молчали.

Проведена была демонстрация против наступления и во Ржеве. В центр города были стянуты все полки. На митинге выступали большевики и левые эсеры. По окончании его была принята большевистская резолюция.

Чтобы хотя частично уменьшить силы большевиков, меньшевистско-эсеровский блок принялся за отправку революционных полков на фронт, заменяя их другими.

Здесь опять незадача. Среди отправляющихся солдат появляются прокламации с призывом не идти на фронт, при том же печатающиеся в губернской типографии. Солдаты отказываются ехать на фронт, бегут оттуда обратно.

Полоса гонений.

Пришли июльские дни, а с ними новые и новые испытания для большевиков.

Сообщение о выступлении 16—18 (3-5) июля в Петрограде было получено в Твери 17 (4) или 18 (5) июля. Сразу же было созвано в партийном клубе собрание актива, а Красная Гвардия была выстроена с оружием в руках.

После доклада, ряд присутствовавших предлагали выступить на поддержку Петроградских рабочих. Высказывались такие предложения:

„Пойдем прямо на Снаряжательный, заберем его в руки; там и снаряды, и рядом воинские части, а оттуда разоружать и других“.

Часть партийцев возражала против подобных предложений, в том числе т.т. Вагжанов и Криницкий. В конце концов, было решено „выступления не делать, поручив руководство Городскому комитету“. Принято было также предложение о созыве об‘единенного заседания всех Советов совместно с полковыми и ротными комитетами, фабзавкомами и профсоюзами, что вскоре после этого и было выполнено.

Председательствовал на этом заседании т. Аросев, из чего видно, что большинство собравшихся было на стороне большевиков.

Доклад, о событиях 16-18 (3-5) июля в Петрограде, делал, приехавший из него, по приглашению правых эсеров, прокурор Стааль, который призывал Советы выкинуть из своей среды большевиков и начать против них поход. Его поддерживал эсер Вольский. Возражали им А. Я. Аросев, А. И. Кривицкий, П. К. Александров, Куликов.

Собрание затянулось до 12 часов ночи и часть рабочих ушла до окончания, ввиду того, что утром рано нужно было итти на работу.

При голосовании разделились почти пополам.

Много было шума и споров. Пришлось переголосовывать раза 3 или 4 и уже не руками, а выходом через двери.

Наконец, ничтожным большинством в 3-4 голоса— была принята резолюция меньшевиков.

Вскоре после этого собрания был арестован тов. Аросев и отправлен в Москву. А вслед за ним были арестованы еще человек 7 солдат-артиллеристов.

Июльские события дали буржуазии и ее подручным— социал-соглашателям новый повод для травли, гонений большевиков. Их преследовали, распускали про них разные слухи, старались воздействовать на рабочих, восстановить их против большевиков.

Особенно сильно отразилось это на работе В.-Волоцкой организации.

Вопрос об июльских днях в Петрограде обсуждался здесь на партсобрании 22 (9) июля. Было постановлено „повести решительную борьбу со всякими местными контрреволюционными попытками и травлей против партии большевиков и ее вождей“.

30 (17) июля вопрос об июльских событиях обсуждался на заседании Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Большевистская резолюция была отвергнута меньшевистски-эсеровским большинством.

Отклонено было большинством и требование большевиков о предоставлении их фракции свободы агитации партийных взглядов. В ответ на это представитель фракции, тов. Артюхин, заявил, что „фракция будет продолжать агитацию, считая это своим правом“.

Из организации начали выходить наименее устойчивые, политически не успевшие еще развиться члены. Вышла из нее часть интеллигентов.

Оставалось лишь основное ядро и солдаты Олитского Конского Запаса.

Членские взносы почти не поступали. Средств не было.

Но несмотря на крайне ослабленную деятельность, при выборе в Городскую Думу, 5-го августа (23 июля), благодаря дружной поддержке солдат, удалось провести 7 большевиков из 32 чел. членов Думы.

Это чрезвычайно хорошо отразилось на организации и дало новые силы для борьбы.

В Ржеве с 17 по 20-е (с 4 по 7) июля происходили митинги, сопровождавшиеся демонстрациями, после чего организация вынуждена была перейти к полуподпольной работе.

В Кимрах большевиков обвиняли в устройстве голодных беспорядков в то время, когда лишь благодаря принятым ими мерам последние были прекращены.

Вместе с массой к победе.

В Твери аресты Аросева и солдат артиллеристов вызвали обратное действие, чем в Волочке.

Здесь организация не ослабела, наоборот, она еще больше сплотилась, приобрела больший авторитет среди беспартийных, работа ее усилилась.

Большевики вели подготовку рабочих к созывавшемуся в Москве Государственному Совещанию. А параллельно с этим производили сбор на приобретение типографии, отсутствие которой в тот момент было очень ощутительно.

Большую помощь в сборе оказали тогда большевикам крупные профсоюзы (текстильщиков, металлистов), и фабзавкомы, выпустившие листовку-воззвание с призывом к рабочим об отчислении однодневного заработка на типографию большевиков.

Под этой же листовкой подписались три члена Исполнительной Комиссии Центрального Бюро Профсоюзов (Тупиков, Петров, Суратов), что послужило поводом к возникновению разногласий среди членов Исполнительной Комиссии, к выходу из нее меньшевиков (Малеин и другие) и укреплению в Центральном Бюро Профсоюзов большевиков.

Работа в массах велась усиленно. Были дни, в которые проводилось до 15 митингов.

Результаты были блестящие: на всех фабриках и заводах принимались резолюции о производстве отчислений, об отработке в пользу большевистской типографии.

Попытки меньшевиков протестовать против сбора не имели успеха, они оставались одиноки, рабочие их не поддерживали.

Кампания дала около 20.000 рублей. Но несмотря на то, что была собрана крупная сумма, все же для уплаты за типографию она оказалась недостаточной и до Октябрьских дней типографию приобрести так и не удалось.

Почти в тоже время Тверским большевикам пришлось проводить еще довольно крупную кампанию—выборов Городской Думы.

Порвав блок с внефракционной (социал-демократы меньшевики) группой, большевики решили участвовать в выборах самостоятельно. Предполагалось использовать Городскую Думу, как трибуну, для агитации.

Готовились к выборам долго и тщательно. Хотя и с большим трудом, но все-таки были отпечатаны листовки, воззвания, списки. Распространить их было уже легче: их расклеивали на самых видных местах, раздавали на улицах. Устной агитацией заняты были почти все члены партии.

В результате большевистская фракция получила наибольшее количество мест: 22 из 75, в то время, как эсеры получили—21 место, меньшевики—15, конституцион. демократы—12 и остальные группировки по 1—2 места.

В Городскую Управу от большевистской организации провели т.т. Вагжанова, Криницкого, Романова.

При распределении мест скандал, ни меньшевики, ни эсеры, не хотят работать в продовольственном отделе. Боялись с ним оскандалиться, сесть в лужу. Пришлось большевикам взяться. И вся тяжесть продовольственной работы была взвалена на плечи тов. Кривицкого.

Для того, чтобы показать, что большевики не остановятся ни перед какими трудностями, тов. Вагжанов в присутствии большого количества рабочих, заявил:

„... большевики возьмутся за всякое, самое трудное дело, возьмут, когда это будет нужно, в свои руки всю власть и справятся с ней...“

Такое заявление произвело очень сильное впечатление на слышавших его рабочих и имело большое значение для развития большевистской организацией дальнейшей работы.

Еще большему оживлению и укреплению организации содействовало Корниловское восстание.

Лишь только стало известно о Корниловском восстании, как по всей губернии прокатился призыв к об‘единению

всех революционных сил, к борьбе против контр-революционных генералов.

И в первую голову в Твери, на об'единенном заседании Тверских Советов большевики высказались за

„. . . поддержку временного правительства в борьбе с контр-революционными выступлениями правых групп...“

Но одновременно они заявили, что

„. . . поразить окончательно контр-революцию, укрепить и углубить революцию не сможет власть, организованная на коалиционных началах...“

Меньшевики пытались создать „Комитет Общественного Спасения“ с привлечением в него большевиков. Но получили на это приглашение должный отпор.

Для предупреждения возможного выступления правых группировок в губернии, Губернским Исполнительным Кoтитетом был предпринят ряд мер: запрещение уличных митингов и собраний, без разрешения Совета или комиссара, установление контроля за телеграфом и телефоном и т. п.

В уездах в это время также были заняты укреплением связи революционных элементов. И в то время, когда в Твери меньшевики думали об организации „Комитета Общественного Спасения“, в уездах образуются: Революционные Исполнительные Комитеты, Комитеты Революционного Действия и т. п. (Торжок, Осташков, Ржев). В них входили представители Советов, партии и Исполнительных Комитетов, в количестве от 10 до 7 человек.

В Вышнем-Волочке, где работа большевистской организации, вначале, после июльских дней, крайне ослабла, а затем, в связи с выборами в Гор. Думу стала усиливаться и авторитет большевиков среди масс сильно поднялся,—на собрании Совета Рабочих и Солдатских Депутатов была принята резолюция, предложенная большевиками.

Усилилась работа и у Ржевских большевиков.

Вынужденное затишье после июльских дней принесло им некоторую пользу. Они использовали время своего полуподпольного существования на налаживание внутри-партийной работы и связи с массой. Во всех воинских частях были выделены организаторы, была усилена работа среди рабочих—членов горсовета и в рабочей секции его (во Ржеве Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов

об'единились в июне месяце и работа была начата по секциям) стали появляться большевики. Военная секция уже до этого была большевистская, крестьянская — была под их влиянием.

Не один уже раз принимал Совет большевистские резолюции, вроде резолюции тов. Бодякшина „об отпуске стариков-солдат домой на полевые работы“ или резолюции Львова „об отборе помещичьих коров и передаче их крестьянам“, по докладу „об эпизоотии скота“.

Перевыборы Совета в августе дали абсолютное большинство большевикам. Из 13 членов Исполнительного Комитета Совета 8 были большевики, из чего видно, что и весь Совет состоял в большинстве из большевиков и поддерживающих их.

Меньшевики и эсеры в новый состав Совета прошли в незначительном количестве. Офицеров не было совсем.

С изменением состава Совета, изменилась и его работа. Крестьянская секция разрешала дела по захвату помещичьих земель и распределению покосов.

Рабочая секция начала уже проводить контроль над производством.

Сама жизнь заставила делать это. Правления почти всех Ржевских фабрик были не в Ржеве, а в Москве или Петрограде. Связь их с предприятиями была плохая. Денег на зарплату не высылали. И уполномоченным рабочих приходилось выискивать средства и сырье, продавать товары.

Они были почти хозяевами предприятий, а не только контролировали их.

В корниловские дни большевики создали Военно-Революционный Комитет (3 большевика, 1 интернационалист, 1 максималист и 1 беспартийный рабочий) и арестовали не пользовавшихся доверием начальника гарнизона и нескольких командиров полков.

В Осташкове Комитет Революционных Действий начал самостоятельно издавать обязательные постановления, производить аресты, распоряжаться войсками. Уездный Комиссар написал жалобу в Тверь. Но пока последняя ходила от стола к столу, прошел целый месяц и распоряжение губернского комиссара об отмене обязательных постановлений, изданных Комитетом, не имело никакого значения.

Так проходили Корниловские дни в Тверской губернии. Они еще больше углубили пропасть между рабочими и буржуазией.

У большевиков появились союзники ввиде левых социалистов-революционеров. Вместе с ними, большевики уже в августе имели большинство в Тверском Военном Совете, требовавшем передачи Советам всей власти.

Вначале же сентября к такому же выводу пришел и Совет Рабочих Депутатов. На об'единенном собрании, совместно с фабзавкомами и профсоюзами, бывшем во Владимирских казармах, огромное большинство присутствовавших (176 голосами против 12, при 23 воздержавшихся) признало необходимым передачу власти Советам.

Постепенно, одна за одной, уступались меньшевиками и эсерами, захваченные ими ранее позиции, переходившие к большевикам.

Приближались решительные дни. Началась спешная подготовка к этим дням. Создавалась, вооружаясь чем было возможно и готовилась к бою, Красная Рабочая Гвардия. Боевое, большевистское настроение овладевало не только Тверью, но стало сильно проявляться и в уездах.

Организации же на местах были слабы, партийных работников не хватало и дать правильное направление растущей революционности в уездах было некому. Большинство населения оставалось не обслуженным.

А это приводило к нежелательным явлениям: к неорганизованным выступлениям, к погромам, под руководством кучки темных личностей. Эти выступления происходили не без участия представителей правых группировок.

В Твери же революционное движение захватывало новые массы рабочих. Начавшаяся кампания перевыборов Горсовета проходила очень оживленно. Отовсюду поступали сообщения о преобладании большевиков среди выбранных. В Исполнительный Комитет Горсовета вошли 6 большевиков, 2 левых эсера и 1 меньшевик (внефракционн.).

Единственным прибежищем меньшевиков, как и во Ржеве, оставалась Городская Дума, да ничем себя не проявлявший Губ. Исполнительный Комитет, остальные организации все отошли от них. Но и здесь их влияние также падало очень резко. Большевистская фракция

хотя была и невелика все же имела довольно сильное влияние.

Основным отделом, который непосредственно руководился большевиками, был продовольственный. Ими велась подготовка этого отдела к работе при Советах. Все их усилия были направлены к тому, чтобы удержать массу от продовольственных погромов. Вся организация была вовлечена в эту работу. Путем выступлений на митингах, устройства лекций, групповых бесед и выпуска воззваний велась раз'яснительная работа.

Показателен случай с Тверскими мельницами, где в связи с неудовлетворением предпринимателями требований рабочих возникла забастовка. Ввиду того, что хозяева мельниц не шли на уступки, Совет поставил перед Городской Думой вопрос о реквизиции мельниц, в случае не удовлетворения требований рабочих, признавая их минимальными.

Большинство Думы не согласилось с этим предложением, не желая портить отношения с промышленниками. Они долго толкались на одном месте и чуть было не оставили вопрос открытым, но предложение тов. Вагжанова об об'явлении заседания „перманентным", т. е. продолжающимся до окончательного разрешения вопроса, заставило их все-таки сказать окончательное слово и выявить свое лицо; и это слово оказалось в защиту не рабочих, а промышленников, с чем никак не мог согласиться Совет. После нового обсуждения он

„... признает стачку в настоящее время, хозяйственной разрухи недопустимой, берет дело реквизиции на себя и передает мельницы в ведение мельничных комитетов под контролем Совета Рабочих и Солдатских Депутатов..."

Так, вынужденный обстоятельствами, еще до Октябрьских дней, Совет занялся реквизицией общественно-необходимых предприятий.

Все усиливающееся влияние большевиков доставляло большое беспокойство меньшевикам. Чтобы не быть застигнутыми врасплох, они на секретном заседании Губ. Исполнительного Комитета выделили комиссию „для охраны и безопасности города и губернии", которая

„..действует со всеми правами Исполнительного комитета и губернского комиссара, с правом пополнения по единогласному соглашению комиссии".

Комиссия была составлена из Л. В. Забелина, А. П. Струженского, Н. Д. Борякова и В. А. Панова (2 социал-демократа меньшевика и 2 эсера).

Но комиссии этой не суждено было сыграть сколько-нибудь заметной роли в истории. Она тихо (секретно) создалась, и так же тихо умерла, ничем себя, к счастью, не проявив.

Проведя перевыборы Тверского Совета, большевики начали подготовку к созыву Губернского с'езда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

И в первую очередь занялись вопросом установления связи с уездными партийными организациями, что до сих пор сделать не удалось.

Для руководства работой в губернском масштабе, на собрании Тверской организации, 16 (3) октября, при перевыборах Городского Комитета, было решено выделить из его состава Губернское Бюро из 3-х человек. Через несколько дней, на заседании Комитета нового состава в бюро были выделены т. т. Криницкий, Александров и Богданов.

Ближайшими задачами бюро было: установление тесной связи с уездными организациями; снабжение их литературой и инструктивными материалами; организация об'езда губернии с целью пропаганды и агитации. Ему же поручена была работа по подготовке предвыборной кампании в учредительное собрание в губернском масштабе.

Путем создания уездных и губернского землячеств, установления чрез них связи с уездами, распространения литературы,—начали большевики собирать разрозненные силы, а также повели работу по ознакомлению со своими взглядами крестьянских масс.

Часть членов Тверской городской организации была направлена губернским бюро по уездам для постановки там партийной работы, устройства собраний и выборов делегатов на 2-й губернский с'езд Советов.

Особенное внимание было обращено на Тверской уезд. Для ведения политической работы среди крестьян, городской большевистской организацией были выделены организаторы, которым поручалось устройство в деревнях митингов, создание инициативных групп и организация партийных ячеек.

Случаи провалов меньшевиков и эсеров на митингах и собраниях все учащались, их не слушали, не давали говорить, им приходилось выступать при страшном шуме и гаме. Бывали случаи, когда они обращались к большевикам за поддержкой и просили сдержать присутствующих, дать возможность им высказаться.

Сделали они попытку провести свое предложение, при обсуждении на городской конференции фабзавкомов вопроса о циркуляре министра труда, лишающем фабзавкомы некоторых прав (устройства заседаний в рабочее время и т. д.), которыми они пользовались до этого. Но попытка была безуспешной.

Не имели меньшевики успеха и на следующей конференции фабзавкомов в октябре, когда все внесенные большевиками резолюции были приняты абсолютным большинством.

Но они все еще не хотели сдаваться. Делают новую вылазку, на этот раз на заседании Совета Рабочих Депутатов, 29 (16) октября. Параллельно с большевиками и левыми эсерами, делающими доклады „о власти", они делают такой же доклад выясняя в нем свой взгляд на этот вопрос.

Не везет и здесь. Большинство присутствующих голосуют за резолюцию тов. Криницкого, говорящую о необходимости перехода власти в руки Советов, за контроль над производством, за передачу земли в ведение земельных комитетов и т. д.

Тоже произошло и на 2-м губернском с'езде Советов. И здесь большинство голосует за большевистские резолюции и избирает большевиков на Всероссийский с'езд.

Не везло меньшевикам и в уездах. Не говоря уже о Кимрах, где они не смогли даже укрепиться, а также о Ржеве, в котором они день ото дня теряли свое влияние, пришлось уступить им свои позиции и в Вышнем Волочке, где до этого они были довольно сильны. И здесь Совет, большинством 58 голосов против 11 при 2 воздержавшихся, потребовал:

„...немедленной передачи всей полноты власти в руки Советов.."

Делегации же от рабочих фабрик Прохорова и Рябушинского, присутствовшей на заседании, Совет указал на необходимость — „отказаться от частичных неорганизован-

ных выступлений и собирать силы для грядущей общей борьбы".

Меньшевики ответили на это отзывом из Исполнительного Комитета своих представителей. В результате этого, при перевыборах последнего, в нем из 13 человек оказалось 9 большевиков.

Так, постепенно, большевистская организация об'единяла вокруг себя все наиболее революционно настроенные силы.

Не молчат и крестьяне. С наступлением осени опять поднимается волна лесных порубок (Кашинский, В.-Волоцкий уезды), выселение управляющих из имений (Ржевский уезд) и т. п. В одной из волостей Ржевского уезда собрание крестьян вынесло постановление о недоверии Керенскому и его аресте.

Приближался решительный момент столкновения революционных рабочих и крестьян с буржуазией. Такое положение было не только в Тверской губернии, но и повсеместно. Это можно было видеть из Ленинских писем к большевистским организациям.

Тверской Комитет партии учел это и на одном из собраний, в октябре месяце, им был проработан вопрос о подготовке к восстанию.

Подитожена была предыдущая работа, учтена обстановка, взвешены силы свои и противника.

Все говорило за благоприятный исход восстания. Большая часть солдат, находившихся в губернии была на стороне Советов, не говоря уже о подавляющей массе рабочих и крестьян.

Против были лишь стоявшие в Твери казаки и юнкера да местное купечество, помещики, чиновничество, часть интеллигенции и городская обывательщина.

Основной задачей, в случае восстания, организация поставила себе: оказание помощи Москве, задержав во что бы-то ни стало в Твери юнкеров и казаков, в случае попытки их отправиться в Москву, и направив в Москву возможное количество солдат и рабочих.

Для большей связи с уездами и дачи им соответствующих указаний, участники совещания раз'ехались в двадцатых числах октября (по старому стилю) по уездам.

Октябрь и первые шаги Советской власти.

Первые дни Октября.

Комитет делал последние приготовления. За ними незаметно подошел долгожданный день. Сначала шопотом, потом все громче и громче передается весточка: „Петроградский Совет взял власть в свои руки“.

Никто не знает подробностей. Их получить неоткуда. Почта и телеграф в руках противников. Там засело чиновничество и распространяет успокаивающие телеграммы Керенского.

Морозовский клуб переполнен и днем, и ночью. В нем штаб Красной Гвардии, в нем она, готовая в любой момент двинуться по первому приказу своих руководителей. Здесь же весь партийный актив и много беспартийных рабочих, с нетерпением ожидающих подробностей, горящих желанием двинуться в бой.

Царук (левый эсер), приехав из Петрограда, подтверждает что там власть перешла к Совету, рассказывает, как это произошло, что он там видел.

Узнав подробности, собравшаяся здесь же, большевистская организация решила немедленно приступить к организации власти на местах, путем создания Революционного Комитета из представителей Советов, Центрального Комитета Фабзавкомов, Центрального Бюро Профсоюзов—по 3 человека от каждой организации, и по 1 представителю от социалистических партий.

В тот же день (8 ноября—26 октября) экстренное собрание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Меньшевики поддерживают позицию Центрального Исполнительного Комитета Советов. Они, огласив его телеграмму, силятся

доказать, что в Петрограде власть захвачена кучкой большевиков, что положение может очень быстро измениться. Они предлагают не предрешать событий до получения более точных сведений, а для наблюдения за порядком избрать Комитет Общественной Безопасности.

Однако, как они ни распинались, они этим ничего не достигли. Выступивший после них тов. Царук сумел опровергнуть оглашенную телеграмму; он указал ряд допущенных в ней извращений и подтвердил действительность перехода в Петрограде власти к Совету.

Вслед за тов. Царуком, тов. Криницкий предлагает прямо ответить на вопрос:

„поддерживает ли Тверской Совет новое правительство или нет?"

Долго толковали после этого. В конце концов 92 голосами против 9 при 15 воздержавшихся постановили:

„...Тверской Совет Рабочих и Солдатских Депутатов заявляет о своей твердой воле всеми мерами поддерживать борьбу за пролетарско-крестьянскую власть...."

А затем огромным большинством решено создать Революционный Комитет в составе: по 3 человека от каждого Совета, по 3 от социалистических партий, по 3 от Городской Думы, Исполнительного Комитета и общественных организаций, при чем каждой тройке давался лишь один решающий голос.

Определены были и задачи Революционного комитета. Основные из них,—охрана и контроль над работой почты, телеграфа и железной дороги. Лишь от его имени, совместно с комиссаром и начальником тверского гарнизона, могли издаваться приказы, относящиеся к политическим событиям.

Меньшинство Совета не согласилось с таким постановлением его и, на следующий день, дружески об'единившись с „кадетами", провело на собрании в Городской Думе непринятую Советом резолюцию меньшевиков.

Но этим они не ограничились. Задавшись целью об'единить всех противников советской власти, в противовес постановлению Совета об организации Ревкома, они решили организовать „Комитет Общественной Безопасности для:

„...поддержания революционного порядка в городе, борьбы со всякими контр-революционными попытками, обеспечения города от погромов..."

Фактически же этот комитет был создан для борьбы за удержание в своих руках власти, для борьбы с Ревкомом,

с большевиками, которых они относили к контр-революционерам.

Эго обстоятельство заставило Совет изменить состав Революционного Комитета, и на собрании Совета 10 ноября (28 октября) он был избран из членов Совета с представительством лишь от профсоюзов, фабзавкомов и социалистических партий, не включая в него контрреволюционных членов Городской Думы и Губ. Исполнительного Комитета.

После сделанного на этом же собрании доклада о работе II Всероссийского С'езда Советов, 58 голосами против 6 при 7 воздержавшихся, был принят декрет „о власти". Приветствуя в нем избрание С'ездом Совета Народных Комиссаров, Тверской Совет обещает ему свою „активную моральную и физическую поддержку". Ревком же был об'явлен „временным верховным органом революционной власти города".

Одновременно с Тверью, создаются Ревкомы и в уездных городах—В.-Волочке, Кимрах, Торжке, Осташкове, Ржеве—где из 10, где из 7 человек, в большинстве из большевиков и левых эсеров, за редким исключением, как например, в Вышнем-Волочке, где в Ревком вошли 1 меньшевик и 1 эсер.

Но не все уезды последовали примеру Твери, в части из них, как Кашин, Весьегонск, продолжалось еще купеческое царство, под руководством большею частью эсеров. Здесь еще выносились резолюции с выражением доверия временному правительству.

Зато в остальных уездах жизнь била ключем. Почта, телеграф, железнодорожные станции—были заняты уже советскими отрядами. Проезжавшие мимо эшелоны солдат останавливались и пропускались дальше лишь по выяснении их настроения и точного направления. В Осташкове удалось задержать даже бронированный поезд. В некоторых уездах производились аресты наиболее серьезных противников советской власти (Ржев), но при этом нигде не было вооруженного сопротивления, и переход власти к Советам в уездах обошелся довольно мирно.

В самой Твери это было проделать труднее. Здесь были серьезнее и противники, кроме того, были и невыясненные войсковые части.

Ревком не торопился захватывать власть в Твери, разгонять Управу, Губернский Исполнительный Комитет, разоружать юнкеров и казаков. Он считал, что Тверь не имеет решающего значения. Исход борьбы всецело зависел от центров, и поэтому основной своей задачей Ревком признал помощь Москве, и к этому были направлены все усилия.

Этому благоприятствовало и то, что казаки и юнкера никаких попыток к выступлению не предпринимали.

Молчали первое время также и меньшевики с эсерами, не говоря уже о более правых партиях. Их голосов не было слышно ни на собраниях, ни на митингах. Они остановились на перепутьи, в ожидании результатов от столкновения между большевиками и буржуазией в столицах.

Меньшевики, не имея опоры в массе, занимались лишь междуведомственной перепиской. Получая на имя губернского комиссара и Исполнительного Комитета жалобы ва производство „незаконных реквизиций“ и просьбы о помощи, они складывали их до поры до времени в особое дело „о ревкоме“, так как не имели сил для выполнения этих просьб.

Эта безпомощность меньшевиков чрезвычайно сильно отражалась на оставшейся еще верной им части рабочих и крестьян, и постепенно ряды их таяли.

Все это было на руку большевикам и созданному ими Ревкому. Они спокойно могли заняться выполнением намеченного плана, оказания поддержки Московским рабочим.

Для того же, чтобы не ослабить Тверь и не придать бодрости контрреволюционным элементам, не дать им возможности распустить слухи о том, что Москва нуждается в помощи, было решено направить в Москву воинские силы лишь из уездов, не трогая Твери.

В первую очередь были отправлены броневики из Кимр, вместе со свободным отрядом солдат, который принял активное участие в борьбе московских рабочих. При его участии были заняты Городская Дума и гостиницы Континенталь и Метрополь.

Очень горячо отозвались на призыв Ревкома к оказанию помощи Москве, стоявшие в Старице, саперы. Они решили отправиться в Москву полным составом, в сопровождении всех офицеров, соглашаясь итти пешком, ввиду

невозможности достать перевозочные средства, для быстрой переброски по железной дороге. Чтобы избежать сопровождения полка малонадежными старыми офицерами, а также, чтобы ускорить переброску, по предложению представителя тверского Ревкома, тов. Баклаева, было выделено 150 наиболее стойких и опытных бойцов, которые в сопровождении тов. Баклаева на пассажирском поезде отправились в Тверь.

Строительство советской власти.

Борьба между восставшими рабочими Москвы и защитниками временного правительства подходила к концу. Одну за другой отбирали от белогвардейцев позиции революционные отряды. Советы побеждали.

Такой поворот дела чрезвычайно нервировал тверских контр-революционеров и их пособников-меньшевиков и эсеров. Вновь они переходят к действиям, к агитации против Советов, к распусканию различных слухов. Они принимают все меры к тому, чтобы удержать за собой хотя бы ту часть населения, которая еще не изверилась в них.

Этому содействовало и то, что телеграф и радио-телеграф находились в руках их приверженцев, они беспрепятственно могли получать телеграммы с разными небылицами от низложенного уже временного правительства и его сторонников.

В этих телеграммах сообщалось о небывалых победах Керенского, о создании вновь в Петрограде коалиционного правительства, перечислялись фамилии новых министров [1] и многое другое.

Телеграммы использовывались противниками советской власти, как устно, так и письменно, для воздействия на колеблющихся, для убеждения их в том, что советская власть не прочна.

Тверской Ревком с помощью Красной Гвардии и революционных солдат в первые же дни занял радио-телеграф; вместо связи контр-революционных организаций, чрез него была установлена связь с революционными центрами.

[1]) Свидетелем получения такой телеграммы (11 ноября—29 окт.) был автор настоящей статьи за день перед тем выехавший из Петрограда где все было спокойно.

Была сделана Ревкомом, в первые же дни, попытка взять под свой контроль почту и телеграф. Явившемуся в телеграф, выделенному Ревкомом в качестве комиссара почты и телеграфа тов. Хромову, служащие телеграфа заявили, что если он возьмет в руки хотя одну телеграмму, они бросят работать.

И несмотря на имевшиеся в распоряжении Ревкома вооруженные силы, пришлось временно от занятия почты и телеграфа воздержаться. Учтено было то обстоятельство, что это ничего, кроме остановки работы телеграфа не даст, а может привести к злостному саботажу (к порче аппаратов и проч.), что было не желательно.

И лишь после того, как революция победила в Москве, когда был подобран необходимый на первое время штат специалистов, признавших советскую власть, тверской Ревком занял телеграф.

Но зато вслед за радио-телеграфом без большого труда удалось Ревкому подчинить себе милицию, преобразованную, после изгнания из нее белогвардейцев, в Штаб Губернской Охраны, под управлением левого эсера тов. Абрамова.

Велась также работа по укреплению армии, куда для об'единения разрозненных воинских частей был послан комиссар (левый эсер—тов. Царук). А затем разоружены были юнкера и казаки.

Предприняты были также шаги к установлению связи с уездами. Для налаживания работы местных Советов, выявления настроения населения и находившихся в уездах воинских частей, по всем уездам раз'ехались представители Ревкома (комиссары).

В это же время было осуществлено давнее желание многих партийцев—иметь свою рабочую газету. Об'единенными усилиями большевистской организации, Сов. Раб. Депутатов, Совета Фабзавкомов и Центрального Бюро Профсоюзов, в середине ноября начала выпускаться газета „Пролетарская Мысль“, переименованная с № 5 в „Известия Тверского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов“.

Хотя и медленно, но твердо, проверяя правильность сделанного, укрепляли Советы Рабочих и Солдатских Депутатов свое положение.

Все чаще и чаще собирались они вместе для взаимного решения какого-либо вопроса, при проведении которого сталкивались интересы обоих Советов. Результатом этих встреч явилось предложение об об'единении обоих Советов в одно целое (на собрании 25 (12) ноября), против чего никто из членов Советов не возражал, и на собрании их 27 (14) ноября вопрос был решен окончательно.

На этом же собрании, после долгих споров, был разрешен вопрос об организации губернской власти (Губернского Ревкома).

Меньшевики и эсеры, увидевшие в этом предложении попытку заменить Губернский Исполнительный Комитет, горячо протестовали против такого предложения.

Но как горячо не выступали меньшевики, как они ни плакались на свою участь, они не смогли сбить присутствовавших на собрании с правильной позиции. Большинством 87 голосов против 12, при одном воздержавшемся, была принята резолюция об избрании по 3 представителя от каждого Совета в Губернский Военно-революционный Комитет, который был признан органом Губернской власти, ответственным перед Советами.

Для ведения постоянной работы в Совете на первом же об'единенном заседании его, 10 декабря (23 ноября), был избран об'единенный Исполнительный Комитет из 15 чел., в который вошло 9 большевиков, 5 левых эсеров и 1 меньшевик.

Недоставало лишь представителей крестьян, которых Губернское бюро Крестьянского Совета, состоявшее исключительно из правых эсеров, не дало. Между тем, настроение большинства крестьян давно уже изменилось; так же, как и рабочие, они изверились в своих руководителях и и стали отходить от них. И бюро Крестьянского Совета искусственно задерживало созыв губернского с'езда крестьян, чтобы не допустить изменения состава бюро.

Но возраставшие с каждым днем противоречия между действиями бюро и массой крестьян указывали на необходимость скорейшего созыва с'езда последних.

Совет Рабочих Депутатов учел момент и передал вопрос о созыве с'езда для подработки бюро Тверского Уездного Совета Крестьянских Депутатов, уже изменившемуся в

своем составе, и фракции левых эсеров. По согласованности между этими организациями, с‘езд было намечено созвать 16 (3) декабря.

Узнав об этом, зашевелилось и Губернское бюро Совета Крестьянских Депутатов. Спешно стало оно готовиться к с‘езду. И крадучись, даже не сообщив ничего Советам Рабочих и Солдатских Депутатов, в то время работавших еще отдельно, назначило с‘езд на 30 (17) ноября.

Что это был за с‘езд! Вместо вызывавшихся от каждого уезда 10 чел., явилось всего 25 чел., и то только от 8 уездов.

Крестьяне не откликнулись на призыв право-эсеровского Губернского бюро Совета Крестьянских Депутатов. С‘езд не манил их к себе, как весной, они не ждали от него ничего хорошего, и поэтому большинство крестьян своих делегатов на с‘езд не дало.

Бюро было это на руку. Чем меньше народа, тем легче обделать делишки. И оно, несмотря на малочисленность собравшихся, предлагает признать с‘езд правомочным. Оно ошиблось в своих расчетах. Против этого запротестовала часть делегатов, в том числе 7 человек от Тверского уезда.

Твердо стоит Бюро на своем, всячески защищает свое предложение. Никакие протесты не действуют. И только уход делегатов Тверского уезда положил конец спорам. С‘езд был признан совещанием, которое и наметило новый срок созыва с‘езда—23 (10) декабря.

Влияние большевистской организации делалось все сильнее. Авторитет ее рос. За ней шли не только рабочие и солдаты, но и симпатии крестьян в большинстве были на ее стороне.

Чрезвычайно ярко отразили отношение населения к большевикам выборы в Учредительное Собрание. Из общего количества жителей Твери—71.500 чел., в выборах участвовало 39.861 чел. (55,65%), из которых за большевистский список (№ 6) голосовало 18,592 чел., около 50% всех голосовавших. Ни один из списков других партий не смог собрать и половины этого количества голосов, так: меньшевики получили 7.822 голоса или около 20%, эсеры—6.668 голосов, или около 17%, об остальных списках и говорить не

приходится, они поддерживались совсем незначительным количеством голосовавших.

Но не только в Твери, а и в большинстве уездов список большевиков имел громадный успех. В списке № 6 многие видели выход из того тяжелого положения, к которому привела война. Он был надеждой не только рабочих, а и сотен тысяч крестьян.

Тверской Комитет большевиков, направлявший работу Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, весьма осторожно вел наступление на меньшевистские организации, лишь по мере подготовки работников отбирая от них одну область работы за другой.

Один за другим возникали при Исполнительном Комитете Совета различные отделы (продовольственный, труда, экономический, финансовый), работавшие параллельно таким же отделам Городской Управы, подготавливавшиеся, при удобном случае, заменить последние.

Наиболее серьезная область работы—продовольственная еще задолго до октябрьских дней находилась в руках большевиков, и Исполнительный Комитет Совета ограничился лишь признанием тов. Криницкого „Заведующим продовольственным отделом Совета". Таким образом, чрез тов. Криницкого Совет направлял работу продовольственного отдела Управы, не давая возможности противосоветским элементам мешать налаживанию ее.

Работа Исполнительного Комитета Совета день ото дня все усиливалась, привлекая все больше и больше население.

Никакие ухищрения меньшевиков и эсеров не смогли остановить движения массы влево. Не помогала уже давно разоблаченная сказка о шпионстве в пользу немцев, не действовали усердно распускаемые слухи о победах Керенского, ввиду быстрого их опровержения.

Меньшевики старались использовать каждый мельчайший случай, каждую небольшую ошибку работников Советов,—все повертывали эти „друзья народа" (в ковычках) в свою сторону.

Поэтому они обоими руками ухватились за „письмо 9-ти комиссаров" с Зиновьевым и Каменевым во главе, усомнившихся в правильности взятой Лениным линии и вышедших из Совета Народных Комиссаров.

В газетах всех направлений началось горячее обсуждение этого случая. Говорилось о расколе в рядах большевиков, предсказывалось близкое падение Советской власти.

Они попытались даже в день предполагавшегося открытия Учредительного Собрания, 11 декабря (28 ноября), продемонстрировать свои силы. Но результат получился плачевный. Демонстрация не удалась. Лишь несколько десятков рабочих завода „Урсус и Мещанский“ вышли на улицу и, ввиду малочисленности, вынуждены были разойтись.

Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов осудил выступление рабочих завода „Урсус и Мещанский“, признав его неорганизованным. С этим постановлением согласился и Пленум Совета.

Отклонено было также (44 голосами против 12-ти, при 15 воздержавшихся) предложение меньшевиков об об'явлении 11 декабря (28 ноября) праздничным днем.

Этот новый провал еще больше разозлил эсеро-меньшевиков. Они уже открыто начинают проповедывать войну против Советов, против большевиков.

„ . . . Не время слов и резолюций, время действий. Время вооруженной борьбы. . . Не надо бояться гражданской войны . . . “

восклицают они на торжественном заседании Городской Думы (13 декабря—30 ноября), посвященном учредительному собранию.

Они стараются возможно больше сгустить краски. Чтобы ни произошло, во всем они винят большевиков. Они говорят, что большевики победили лишь только потому, что

„ . . . они принимают на службу всяких шпионов и изменников“.

Такие выступления, явно говорившие о контр-революционности состава Думы, заставили большевистскую фракцию выступить с протестом и вызвали ее демонстративный уход из Думы.

Общее партийное собрание, 14 (1) декабря, одобрило этот поступок фракции, и пред Советом был поставлен вопрос о роспуске Думы и назначении новых выборов.

В связи с усилением со стороны меньшевиков и эсеров кампании за учредительное собрание, на общем собрании членов большевистской организации (13 декабря—30 ноября)

был проработан вопрос об отношении к учредительному собранию и его задачах.

В результате обсуждения было признано, что учредительное собрание должно

„ . . . санкционировать Октябрьский переворот, утвердить все законы, изданные Советом Народных Комиссаров, и те шаги, которые сделаны им к миру, к разрешению аграрного вопроса и др... передать всю полноту власти в руки советов... и сойти с арены политической борьбы, предоставив все Советам, т.-е. рабочим, солдатам и крестьянам“ [1].

На этом же собрании был обсужден вопрос об отношении к товарищам, вышедшим из состава Центрального Комитета партии и Совета Народных Комиссаров. Их поступок был признан „недопустимым, дезорганизаторским“ и „заслуживающим осуждения всего рабочего класса“ [1]).

Время шло, а предсказания меньшевиков не исполнялись. Советская власть не только не падала, а крепла. То в одном, то в другом отделе Городской Управы появлялись советские комиссары. Одна за другой занимались меньшевистско-эсеровские позиции.

Учреждения связи, охраны, обслуживания городского населения отошли от них без боя. Поставлен был вопрос о сдаче основных позиций—губернских отделов.

Появились комиссары в банке, в губернских отделах: труда, финансов, культурно-просветительном.

С пеной у рта защищали меньшевики свои позиции, но поделать ничего не могли,—для сопротивления сил не хватало. Единственно, что они могли, это—распускание слухов в газетах, различные извращения и нападки. Глядя на них, все более наглела и правая печать. Дошло до того, что агитация стала вестись не только через газеты, а даже путем вывешивания в окнах редакций плакатов, с призывом к борьбе с захватчиками, с воззваниями против Советов, против Народных Комиссаров (что проделывалось редакцией газеты „Тверская Мысль“).

Такие поступки терпимы быть не могли. Но и здесь Исполнительный Комитет действовал осторожно. Он не начал прямо с ареста, а создал комиссию для расследования этого случая и выявления виновных.

[1]) Тверь. Архив Губкома ВКП(б), дело № 15—1917 года.

И только лишь по установлении виновности редакции в ведение контр-революционной пропаганды, лишь после того, как редактор газеты отказался явиться в Следственную Комиссию, решено было издание газеты „Тверская Мысль“ прекратить.

Вслед за этим пришел конец Городской Думы и Губернского Исполнительного Комитета. На заседании Исполнительного Комитета Советов, 15 (2) декабря, был разрешен вопрос и о их существовании. 9 голосами против 2 с было принято предложение о роспуске Городской Думы, чем согласился на одном из следующи х заседаний и весь Совет.

Решено было также немедленно ликвидировать Губернский Исполнительный Комитет [1].

Несмотря на всевозможные тормозы, устраиваемые контр-революционерами, крестьяне в большом количестве явились на чрезвычайный свой с‘езд и соединились на нем с рабочими для налаживания дальнейшей работы в общих интересах.

В противоположность неудачному ноябрьскому с‘езду, созывавшемуся губернским крестьянским бюро, этот с‘езд был многолюдным и оживленным. На него явилось около 150 человек делегатов мест.

Выразив недоверие прежнему составу губернского бюро, с‘езд, признав власть Советов, решил об‘единиться с Советом Рабочих и Солдатских Депутатов для совместной работы.

С‘езд решил отозвать посланных губернским бюро представителей на Всероссийский С‘езд, избрав вместо них своих представителей—Булатова Д. А., Гусева, Преклонского (одного большевика и 2 левых эсеров). Об отзыве самовольно уехавших делегатов и выборе новых было сразу же сообщено Всероссийскому С‘езду.

Не обошел с‘езд и вопроса об учредительном собрании. Он сказал, что

„... учредительное собрание не должно быть диктатором, а должно проводить волю народа, выраженную в Советах Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов“,

---

[1]) В жизнь это постановление проведено было много позднее, в начале февраля 1918 года, после вторичного рассмотрения на собрании Совета, но эти организации уже не имели никакого значения и даже почти не собирались.—П. К.

указав при этом, что если оно

„ . . . вступит в борьбу с Советами, ему будет оказано самое решительное противодействие“.

Во время с‘езда была получена телеграмма Украинской Рады, в которой Рада просила поддержки в ее борьбе против Советов и Советской власти.

Делегаты с‘езда дали должную оценку контр-революционной деятельности Рады. Они сказали, что

„ . . . никакой поддержки со стороны крестьянства чиновничье-буржуазной Украинской Раде не может быть оказано... ... Рада должна быть разогнана, и на Украине должна также укрепиться власть Советов...“

Губернское бюро крестьянского Совета старого состава пробовало все-таки сопротивляться. Оно хотело задержать от‘езд вновь избранных делегатов на Всероссийский С‘езд, отказавшись выдать печать присланной с‘ездом делегации. Лишь после угрозы о применении самых решительных мер печать была ими выдана.

И как последний аккорд этого момента,—сорокатысячная демонстрация тверских рабочих и солдат, явившихся для приветствия крестьянского с‘езда, демонстрация, закреплявшая союз города и деревни.

Губернское бюро, несмотря на то, что от него была отобрана печать, побежденным себя не считало. Следуя примеру меньшевиков, оно кричало о засилье большевиков, о подтасовке с‘езда. Оно с нетерпением ждало созываемого им III крестьянского с‘езда, и надеялось, что обстоятельства могут измениться.

Каково же было разочарование бюро, когда III крестьянский с‘езд в большей своей части оказался из большевиков! Этот с‘езд еще ярче выявил настроение крестьян. Правые эсеры, имевшие на нем своих членов менее 10%, не смогли попасть даже в президиум, в котором оказались одни большевики и левые эсеры. III с‘езд подтвердил все постановления чрезвычайного с‘езда, и губернскому бюро пришлось сложить свои полномочия.

В губернии у власти стал об‘единившийся Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Состав его президиума (5 большевиков и 4 левых эсера) говорил за то, что большинство членов совета поддерживали политику большевиков.

Ведя борьбу за укрепление советской власти в губернии, партия и Совет чутко прислушивались и к тому, что делается за пределами губернии. И лишь только пронесся слух о поднятом на юге восстании генералом Калединым, Исполнительный Комитет спешно организует посылку добровольцев и солдат против восставших.

Ведется работа и по об'единению рабочих в профсоюзы. Из разрозненных союзов на разных фабриках и заводах, создаются мощные об'единения. Обсуждается вопрос о перестройке их по производственному признаку. Работа кипит.

Одновременно с усилением работы Совета усиливается работа и контр-революционных организаций. Одним из способов, применявшихся контр-революционерами, была организация саботажа служащих, которые еще в то время не усвоили огромного значения Октябрьских событий. Они легко поддавались агитации потерявших власть меньшевиков и правых эсеров. Лишь только появлялся в каком-либо из отделов советский комиссар, как они бросали работать.

Но это продолжалось не долго. Широко поставленной раз'яснительной работой большевики добились того, что служащие начали понемногу отходить от правых партий и вливаться в общее течение.

Созванный 2 декабря (19 ноября) с'езд фабрично-заводских служащих высказался за совместную работу служащих с рабочими, за вхождение в фабрично-заводские комитеты, за введение рабочего контроля над производством и распределением.

Власть на местах.

В некоторых уездах переход власти к Советам произошел быстрее, чем в Твери.

Впереди всех уездов оказался Ржевский. Сразу же по организации уездного Ревкома, последний занялся устранением противников Совета и налаживанием работы последнего. Был арестован ряд членов городской думы. Во все учреждения и банк выделены комиссары. Вместо Думы появился отдел городского хозяйства. Появилась газета. Занята была милиция произведены аресты, отобрано оружие

В Кимрах Октябрьские дни прошли еще спокойнее. Еще задолго до Октября власть была уже сосредоточена

в руках Совета. Лишь почтово-телеграфные работники пробовали распространять десятки ложных телеграмм, но и то вскоре вынуждены были прекратить это, ввиду назначения к ним Ревкомом комиссара.

Первым советским отделом или, как тогда было принято называть, комиссариатом—был финансовый. Затем были организованы и остальные отделы: продовольственный, комунального хозяйства, народного образования, земельный, труда. Все комиссариаты организовывались по примеру центральных. Было предложение даже об образовании комиссариата иностранных дел, но после обсуждения нашли его излишним, зато комиссариат путей сообщения был создан. [1])

В В.-Волочке резолюция об избрании Ревкома была принята после продолжительных споров.

Здесь, как и во Ржеве, начали с арестов представителей временного правительства. Первым был арестован уездный комиссар Демидов, а затем занята милиция.

Также, как и в других городах, распространяются здесь провокационные телеграммы; так же, как и там, меньшевики ищут способов свалить большевиков. Попытались было они отправить один из вновь прибывших баталионов в Москву, но сорвалось. Об отправке случайно стало известно членам Ревкома. С помощью команды солдат, бывшей против отправки, удалось раз'яснить солдатам цель их поездки, и последние большею частью разбежались. Оставшиеся 30—40 офицеров и до 30 солдат около Москвы были встречены московскими революционными войсками. Так окончилась эта авантюра.

В связи с ненадежностью войсковых частей (кроме Олитского Конского Запаса), встал вопрос об организации Красной Гвардии. Разработан был план организации ее и началась запись.

По примеру города, организовались красногвардейские отряды и в некоторых волостях, как в Никулинской, Борзинской.

То в одном конце губернии, то в другом разгоняются волостные земства, и их места занимают волостные Советы.

[1]) Газета „Тверская Правда“, № 225 от 6 октября 1926 года.—„Из недавнего славного прошлого“. Из воспоминаний тов. Звиргздынь Э. Х.

В своих наказах на уездные и губернский с'езды крестьяне требуют роспуска земств, скорейшего проведения в жизнь постановления Совета Народных Комиссаров о земле, заключения мира („ликвидации войны").

С каждым днем движение углублялось. Советы об'единялись вместе для общей борьбы с буржуазией. В ряде уездов распускаются уездные земства, с передачей дел Уездным Исполнительным Комитетам Советов.

Распущено было земское собрание во Ржеве в тот момент, когда старая Управа сложила уже полномочия, а новую еще не избрали, и уезд остался без Земской Управы.

Отобрали дела от Уездного Земства и в Корчеве, причем Волостным Советам было предоставлено право роспуска Волостных Земств.

Почти также происходил переход власти и в других уездах (Осташков, Бежецк, Старица, Торжок). Лишь в зависимости от количества и испытанности работников—в одних уездах этот переход произошел раньше, в других—позже.

Позже всего, уже в конце января 1918 года, удалось это сделать в Весьегонском уезде. Этот уезд слаб был политическими силами. В нем почти не было борьбы партий в течении 1917 года, и Октябрьские дни прошли незаметно для его населения.

Руководство уезда находилось в руках купцов и помещиков, с поддерживающими их правыми эсерами. Совет почти весь состоял из последних, и несколько имевшихся большевиков, не сумевших даже об'единиться, не могли оказать большого влияния на работу Совета.

В то время, как в гущу крестьян уже проникли декреты Совета Народных Комиссаров о земле и о мире, в то время, как деревня стала создавать Советы Крестьянских Депутатов и разгонять волостные земства,—Уездный Совет шол против этого и заставлял восстанавливать распущенные земства.

Воспользовавшись начавшимся в связи с этим среди крестьян волнением, об'единившиеся к этому времени одиночки большевики, под руководством приехавшего из Петрограда тов. Поленова, в конце декабря месяца 1917 года создали Ревком.

Не дремал и противник. Он формировал белую гвардию. В день открытия Учредительного Собрания была устроена демонстрация и крестный ход с хоругвями и плакатами: „Долой Советы“. Во время демонстрации был убит матрос, попытавшийся протестовать против таких плакатов и требовавший их снятия.

Для расследования обстоятельств убийства Губернским Исполнительным Комитетом был командирован член его тов. Дмитриев, с поручением созвать уездный с'езд крестьян для избрания Исполнительного Комитета.

Многое пришлось испытать тов. Дмитриеву за время своего пребывания в Весьегонском уезде. Он не только не получил содействия от существовавшего в Весьегонске Совета, а вынужден был скрываться в деревнях.

Лишь с помощью отряда Красной Гвардии, в количестве до 200 человек, пришедшего из Красного Холма, с членом Петроградского Совета тов. Долгиревым во главе, удалось арестовать весьегонских воротил. Был созван и проведен уездный с'езд и избран Исполнительный Комитет.

Под знаменем пролетарской диктатуры.

Несмотря на то, что как в Твери, так и в большинстве уездов, к началу января все контр-революционные элементы были отстранены от власти, работа налаживалась чрезвычайно медленно.

Одним из главнейших тормозов был недостаток средств. Их приходилось изыскивать различными способами, основным из которых было обложение имущих классов.

Вторым тормозом в работе была слабая связь мест с губернским городом, когда уезды в большинстве были предоставлены сами себе. Даже на с'ездах, при докладах с мест, каждый делегат говорил лишь о работе той волости, откуда он приехал. Не было цельных докладов о состоянии и направлении работы уезда, что не давало возможности правильно поставить работу.

Третий тормоз—агитация начавших оправляться после поражения меньшевиков и правых эсеров. Они пробуют наступать. Перед 18 (5) января, днем созыва Учредительного собрания, они вновь ставят в Исполнительном Комитете вопрос о праздновании этого дня, об устройстве демонстрации. Они выпускают прокламации с призывом к ней. Они указывают в ней, что все зло в большевиках.

Но большинство Исполнительного Комитета твердо стоит на своем. Оно отвергает предложения меньшевиков (64 голосами против 5). Исполнительный Комитет призывает рабочих и солдат оставаться 18 (5) января на своих местах и не выступать без призыва Совета.

Начатое расследование выявило участие в распространении прокламаций правых эсеров. В связи с этим, в ночь на 5-е февраля (23 января) были арестованы члена комитета

правых эсеров: Солдатенко, Алексеева-Рысс, Покровский и Вольская. Вслед за ними были арестованы начальник милиции Романович и 2 его помощника: Исполатов и Миланов, которые пытались содействовать контр-революционному восстанию доставкой оружия.

На следующий день меньшевики делают запрос в Исполнительном Комитете Совета о причине ареста членов Думы, на что получают в ответ, что арестованные подверглись этому не как члены Думы, а как контр-революционеры, идущие против Советской власти, выпускающие воззвания с призывом к вооруженному восстанию против Советов.

Созидательная работа продолжала развиваться. Организован был Комиссариат Народного Просвещения (5 февраля—23 января), Административно - организационный п/отдел переименован в Комиссариат Внутренних Дел и Управления. Создана редакционная коллегия, в составе т. Александрова, Горкина, Баклаева. Велась подготовка организации Красной Армии.

При обсуждении последнего вопроса (11 февраля—29 января) новый спор с меньшевиками, новое выступление их в защиту пункта программы, говорящего о всеобщем вооружении народа. После выступления тов. Царука, указавшего на то, что армия классовая, что во время борьбы классов всеобщее вооружение принесет не пользу, а вред, большинством голосов принято предложение о создании штаба по организации Красной Армии из 11 человек.

Параллельно происходит и ликвидации старых учреждений. 6 февраля (24 января) Крестьянскому Отделу поручается взять в свои руки Губернскую Земскую Управу. 1 марта (16 февраля) ставится вопрос о роспуске Городской Думы, которая, несмотря на ряд предыдущих постановлений, продолжала существовать. В тот же день решен вопрос о роспуске Губернского Земельного Комитета. А через несколько дней—о ликвидации союза городов.

Для постоянного наблюдения за работой контр-революционных организаций, для предупреждения их выступления,—создается 6 марта (24 февраля) Комиссариат по борьбе с контр-революцией.

Ведется работа и в хозяйственной области. Постановление о чрезвычайном налоге вызвало отпор со стороны

многих промышленников, указывавших на невозможность взноса его. Последствием этого был переход предприятий под управление Отдела Народного Хозяйства.

Перед организацией и Советом в это время стояли крупные вопросы: о мире, организации Красной армии, назревал вопрос разрыва с левыми эсерами.

При обсуждении вопроса о мире, Тверской Комитет большинством 3-х голосов при 3-х воздержавшихся сначала присоединился к точке зрения Троцкого—„Войны не вести, мира не подписывать". Как отнеслась к этому вопросу организация в целом, в данное время не выявлено.

После же того, как немцы, несмотря на начавшееся перемирие, продолжали наступать, точка зрения тверских работников изменилась и на заседании Исполкома 11 марта (26 февраля) они уже высказываются за заключение мира.

Меньшевики, в лице Панова, выступили с протестом против такого предложения. Он заявил, что:

„Мы и после подписания мира будем призывать народ к непризнанию мира..."

На этом заседании Панов открыто высказывает контрреволюционные взгляды меньшевистской организации:

„...Сепаратный мир—это не мир. Советская власть не может существовать при таком мире. Советская власть недорога нам и песня ее спета. При теперешней власти невозможно вести оборону, необходимо вести оборону в согласии с союзниками".

Его поддерживает Койранский, предлагающий принять резолюцию, „отвергая мир, навязанный России".

Но их выкрики мало имели значения. Собравшиеся сумели без них разобраться в событиях и большинством против двух приняли резолюцию большевиков, признав решение ВЦИК'а, о подписании условий мира, правильным, и одобрив как внутреннюю, так и внешнюю политику Совета Народных Комиссаров,

На этой же точке зрения оказался и ряд уездных Советов (Ржев, Старица, Бежецк).

Падение дисциплины и расхлябанность среди членов Совета и его Исполнительного Комитета вызвали постановку не обсуждение Совета вопроса о перевыборах их.

Для проработки этого вопроса была избрана комиссия, в результате работы которой созыв с'езда был намечен 20 апреля.

Одним из отрицательных явлений этого периода было развившееся среди членов губисполкома пьянство. Особенно отличался в этом начальник охраны Абрамов (левый эсер) и другие работники штаба охраны.

Шумные, со скандалами попойки, ничем не оправдываемые ненужные аресты, грубое обращение с подчиненными и посетителями все больше и больше обращали на себя внимание и вызывали все большее недовольство рабочих.

Абрамову удалось втянуть в пьянку и ряд партийцев, в том числе председателя Губисполкома тов. Вагжанова.

Исполнительный Комитет не только не предпринял по отношению к Абрамову каких-либо мер воздействия, но даже, когда тот сам подал заявление о сложении полномочий комиссара охраны „просил" остаться его

„на посту комиссара Губернской охраны до губернского с'езда 20 апреля, когда явится возможность произвести замену".

Совсем по другому проявил себя Исполнительный Комитет по отношению к т. Вагжанову. При заявлении последнего, чрез т. Скребнева, „о сложении обязанностей председателя" Исполнительный Комитет нашел

„необходимым дать отдых т. Вагжанову... и принять отставку".

И в дополнение к этим двум постановлениям, третье, об избрании председателем Губисполкома вместо выбывшего тов. Вагжанова, левого эсера, попа Поведского.

Все это указывает на то, что левые эсеры, выполняя задания своего центрального органа, вели подготовку к захвату власти. Они старались ослабить влияние большевиков в Совете, старались подорвать их авторитет, чтобы укрепиться самим, сделать возможным переход к ним власти.

Нужны были сильные средства, чтобы приостановить их работу, не доводя дело до открытого столкновения. И Тверской Комитет большевиков начал контр-наступление. Он решительно взялся за ликвидацию Абрамовской группы, не остановившись даже пред домашним арестом т. Вагжанова, уже освобожденного к тому времени от председательствования в Исполнительном Комитете.

Произведя аресты Абрамова, Альтиментова, Иванова, Морозова и Трифонова, руководивших охраной города, Тверской Комитет поставил Губисполком пред совершившимся фактом.

В своей декларации, зачитанной на пленуме совета, 8 апреля (26 марта), он заявил, что произведя эти аресты он будет добиваться:

„ ..... смещения ряда лиц, ведущих себя недостойно, с занимаемых ответственных постов, расследования всех отрицательных их поступков и предания их суду Революционного Трибунала“.

В этой же декларации указана и причина, заставившая Комитет произвести аресты. Это

„ . . . безответственность, бессознательность, превышение власти, разнузданность и прямое преступление.. руководящих лиц губернской охраны...

„ . . . они об‘явили открытый поход на членов Исполнительного Комитета, прямо и решительно поднимавших голос против позорящих действий и поведения отдельных ответственных лиц.

И основная причина—это требование рабочих

„ . . . положить предел, позорно подрывающих власть рабочих и крестьян, действиям, и поведению начальника губернской охраны и его помощников.

Члены пленума Совета огромным большинством одобрили взятую Тверским Комитетом линию (из 250 человек, лишь 10 человек голосовало против и 20 человек воздержалось). Для расследования деятельности арестованных была избрана следственная комиссия. Принято было также предложение Забелина об освобождении т. Вагжанова „в безусловной честности и безукоризненности“, которого сомнений ни у кого не было.

Несмотря на усиленную кампанию противосоветских партий пред с‘ездом, последний прошел под большевистским влиянием, и руководство работой после с‘езда осталось за большевиками. Избранный с‘ездом Исполком в большинстве был из большевиков (16 большевиков и 14 левых эсеров), под председательством большевика т. Генералова.

Выступление левых эсеров в Петрограде и Москве и связанное с этим убийство Мирбаха, не нашли поддержки среди тверских эсеров. При выступлениях на митингах, они вместе с большевиками обсуждали провокационный выстрел.

При обсуждении на заседании Губисполкома (12 июля) доклада тов. Криницкого о работе 5 Всероссийского с‘езда Советов, было принято предложение фракции коммунистов

„ Всякий член фракции левых эсеров считается после выступления против советской власти автоматически выбывшим из ГИК‘а. Но каждый

левый эсер, заявивший президиуму ГИК, что он не согласен с линией ЦК левых эсеров и считает выступление ЦК партии ударом по революции, и о своем желании работать с советской властью, подчиняясь воле существующей власти, остается членом Исполнительного Комитета“

После этого постановления из 20 чел. левых эсеров, членов и кандидатов Губисполкома—13 чел. осудили авантюру ЦК, вышли из партии и остались членами Исполнительного Комитета. Остальные были из членов ГИК исключены.

Работа Советов постепенно налаживалась. От системы отдельных самостоятельных комиссариатов был сделан переход к об‘единению всей работы под руководством президиума Губисполкома: начато было проведение единства кассы,

В целях об‘единения бедноты, оказания противодействия развивавшемуся кулацкому движению, в чьих руках во многих местах находились советы еще с 1917 года, было приступлено к организации Комитетов Бедноты.

Стала налаживаться связь с уездами.

Принимались меры к налаживанию работы фабрик и заводов. На Морозовской ф-ке начата была борьба с воровством, путем обысков, увольнений, а главным образом раз‘яснением на митингах того, как должен рабочий относиться к производству. На Русско-Балтийском заводе, при обсуждении вопроса о введении нового тарифа, поднят вопрос о поднятии производительности труда. Шаги, сделанные в этом направление профсоюзом, рабочими были признаны правильными, при чем было указано, что в основу должно быть положено установление строгой сознательной дисциплины среди рабочих и проведение вместе с тарифом минимума выработки: „за определенную плату определенный труд“.

Много еще было недочетов, много встречалось препятствий, тормозивших восстановительную работу партии и советов.

Больше всего хлопот приносило усилившееся противосоветское движение. Оно не ограничивалось уже устройством собраний и агитацией против Советов, а доходило до организации открытых восстаний, убийств, попыток к организации забастовок, волнений в армии, и прочее.

Начиная с февраля месяца чрез Тверскую губернию прокатывается полоса волнений. В деревне во главе их на-

ходятся местные воротилы, крепкие мужички, которых задел чрезвычайный налог.

Но все попытки свалить советскую власть оканчивались неудачей. Основная масса рабочих и крестьян была на стороне Советов, и если некоторые группы трудящихся и поддавались иногда агитации противников Советов, они быстро убеждались в своей ошибке и оставляли контрреволюционеров одинокими.

Волнения в Никулинской волости В.-Волоцкого уезда, где дело дошло до погромов и самовольных расстрелов местными красногвардейцами граждан; выступление красногвардейцев в Осташкове и Твери, указали на недостаточность политической работы в армии, на проникновение в ее ряды противосоветски настроенных граждан. И после ликвидации этого движения, после разоружения волновавшихся частей, были созданы военно-агитаторские курсы для подготовки политработников в армию.

Большевики и руководимые ими Советы не останавливались не перед чем. Они старались преодолеть встречавшиеся на пути препятствия. Они плотнее смыкали свои ряды после каждой жертвы. Они вели настойчивую борьбу с контрреволюционными партиями, параллельно ведя работу по укреплению советского аппарата, по налаживанию работы транспорта и снабжения рабочих продовольствием.

Вопреки всем предсказаниям меньшевиков и эсеров Советы пережили все сроки, под руководством ВКП (б) шагнув во второе десятилетие своего существования.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Указатель литературы и использованных материалов.

ПЕЧАТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

Журналы:

Пролетарская Революция. Москва. 1923 г. № 5 (23), стр. 289—320. Аросев, А. Я.—„К протокольным страницам борьбы с большевиками".

Спутник Коммуниста. Тверь. 1922 г. № 7, стр. 39—41. Двинский, Б.—„Об'единенная (автономная) группа рабочих РСДРП в гор. Твери в 1914 году и 1 мая".

Тоже. 1922 г. № 11, стр. 40—56. Александров, П. К.—„Красный Октябрь в Твери". Баклаев, Г. П.—Воспоминания о Твери. Булатов, Д. А.—„Октябрьские дни в деревне".

Тоже. 1923 г. № 2-3, стр. 88—92. Князев, Г. А.—„1914—1916 г.г. в Твери".

Тоже. 1923 г. № 5, стр. 91—95. Сергеев, К. М.—„Кузнецовская организация РКП".

Тоже. 1925 г. № 5, стр. 70—83. Макаров, Г. И.—„Из воспоминаний о подпольной работе фабричного района гор. Твери".

Тоже. 1925 г. № 7-8, стр. 67—70. Храмов, Н. Г.—Воспоминания о Молодотудском восстании в Ржевском уезде в ноябре 1918 г.".

Тоже. 1925 г. № 12-13, стр. 38—42. Кочешов, А. Н.—Воспоминания Осташковский уезд.

Тоже. 1925 г. № 15, стр. 34—36. Тодорский, Ал. Ив.—„Летопись революционных событий в глухой деревне".

Тоже. 1925 г. № 18—20, стр. 36—43. Хромов, А. Д.—„Октябрьская революция в Твери". Данилов, И.—„Октябрьские дни в Старице".

Тоже. 1926 г. № 6, стр. 42—47. Гринвальд, К. И.—„А. П. Вагжанов в годы реакции".

Тоже. 1926 г. № 9, стр. 46—47. Смирнов, И. В.—„Правда и Тверские рабочие".

Тоже. 1926 г. № 10, стр. 41—44. Князев, Г. А.—„К десятилетию стачки на Тверском Вагоностроительном заводе".

Спутник Активиста. Тверь. 1926 г. № 1, стр. 47—50. Гурьянов, А. „Октябрь в деревне".

Газеты.

Правда. Петроград. 1917 г. №№ 32, 43, 53, 55, 56, 60.

Социал-Демократ. Москва. 1917 г. №№ 1, 13, 15, 31, 47, 95, 96, 100, 105, 110, 122, 127, 138, 146, 164, 195, 198, 203, 208, 215.

Вестник Тверского Губернского Временного Исполнительного Комитета. Тверь. 1917 г. № 14. Никитин.—„На скрижали истории".

Тоже. № 25. Инструкция Комиссарам Временного Правительства.

Тверской Листок. Тверь. 1917 г. Изд. Тверского Комитета партии Социалистов-Революционеров (эсеры). №№ 2 (47), 6 (31), 10 (35), 11 (36), 15 (40), 28 (53), 56 (81), 90 (115), 91 (116), 92 (117).

Тверская Мысль. Тверь. 1917 г. Изд. Тверской организ. Конституционно-Демократов (кадеты) №№ 1, 2, 48, 98.

Дело. Тверь. 1917 г. Изд. Тверской организ. РСДРП (внефракционной). №№ 1, 10, 11.

Об'единение Тверь. 1917 г. Изд. Тверских Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, и Бюро Крестьянских Депутатов. Направление меньшевистско-эсеровское. № 85, 91.

Пролетарская Мысль. Тверь. 1917 г. Изд. Тверского Совета Рабочих Депутатов, Центр. Бюро Проф. Союзов и Совета Фабр.-Зав. Комит. №№ 2, 3.

Известия Тверского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, Центрального Бюро Проф. Союзов и Совета Фабр. Зав. Комитетов гор. Твери. 1917 г. С № 5 по № 17 включительно.

Тоже. 1918 г. №№ 11, 33, 34, 39, 104, 111, 198.

Тверская Правда. Тверь. 1920 г. № 247. Александров, П.—„Красный Октябрь в Твери".

Тоже. 1926 г. № 58 (10) Сливин, А.—„Воспоминания".

Тоже. 1926 г. №№ 155, 156, 157. Бодякшин, И. Х.—„Странички из недавнего прошлого" (о работе во Ржеве).

Тоже. 1926 г. №№ 177, 178, 180, 181, 186, 225, 259. Звиргздынь, Э. Х.—„Из недавнего славного прошлого" (о работе в Кимрах).

Тоже. 1927 г. с № 48 по № 62. Соколов, А. В. и Макаров, Г. И.—„Февральская революция в Твери".

Гудок. Тверь, 1922 г. Изд. Тверского Губпрофсовета. № 22 (59).

Равенство и братство. Вышний Волочек. 1917 г. Изд. Вышневолоцкого Временного Исполнительного Комитета. № 7.

Известия В.-Волоцкого уездного Совдепа. Вышний Волочек. 1918 г. Юбилейный №. Андреев, Т. А. (Андри)—„Дни Октябрьской революции в В.-Волочке".

Наш Край. Вышний Волочек. 1926 г. № 255. Андреев, Т. А.—„Боевые дни Волочка".

Ржевское Единство. Ржев. 1917 г. Изд. С.-Д. об'единенцев. № 3, 4, 5, 6.

Ржевская Правда. Ржев. 1917 г. № 29.

Известия Бежецкого Временного Исполнительного Комитета. Бежецк. 1917 г. №№ 7, 17.

Известия Осташковского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов и уездного земства. Осташков. 1917 г. № 2, 3, 5, 6, 14.

Сборники и книги.

„Годы реакции“. 1908—1910 г. Сборник под редакцией Орлова, В. И. стр. 59. Из газеты „Пролетарий“, № 26, от 1 апреля (19 марта), 1908 г. стр. 6—7. Хроника из Центрального Промышленного района.

Докучаев Александр. —„Материалы из истории профессионального движения в Тверской губ. в 1883—1917 г.г.“ Тверь. Изд. автора. 1925 г., стр. 49—52.

Тодорский Ал-др. „Год с винтовкой и плугом“. Весьегонск. 1918 г.

Материалы иногородних архивов.

Архив Октябрьской Революции. Москва. Ф. XLIV. 95. 13.—1917 г. Дело Московского Областного Комитета РКП (б). Материалы Тверской губернии.

Материалы Тверского Губархива.

Фонд б. канцелярии Тверского губернатора.

Дело № 15167—1913 г. 3-й стол. О рабочих Тверских фабрик и заводов: Серг. Петр. Веселове и др.

Дело № 15247—1914 г. 3-й стол. О первомайской однодневной забастовке в гор. Твери.

Дело № 15297—1915 г. 3-й стол. Совершенно секретная переписка и циркуляры.

Дело № 15302—1915 г. 3-й стол. О беспорядках в Тверской губернии.

Дело № 7339—1916 г. 1-й стол. По сообщениям нач. Тверск. Губ. Жанд. Упр. о революционной деятельности в гор. Твери.

Дело № 15340—1916 г. 3-й стол. О представлении Министру Внутренних Дел сведений о настроении населения губернии.

Дело № 15342—1916 г. 3-й стол. О том, как прошел день 1 мая.

Фонд Тверск. Военно-Промышлен. Комитета.

Дело № 90—1916 г. Журнал 3-й комиссии Военно-Промышленного Комитет

Фонд Тверского Губпродкома.

Дело № 19—1917 г. I Тверск. Губ. Продовольственный С'езд.

Фонд Губисполкома и Губ. Комиссара.

Дело № 85—1917 г. 1-й стол.—О контр-революционной деятельности.

Дело № 93—1917 г. 1-й стол.—О милиции.

Дело № 158—1917 г. 1-й стол.—О переходе центр. правит. власти к Совету Народных Комиссаров.

Дело № 161—1917 г. 1-й стол.—Протоколы заседаний Губисполкома.

Дело № 162—1917 г. 1-й стол.—С протоколами заседаний Президиума Губисполкома.

Дело № 174—1917 г. 1-й стол.—Наряд исходящих телеграмм, посланных Времен. Тверск. Исп. Комитетом.

Дело № 192—1917 г. 1-й стол.—Черновые протоколы заседаний Бюро Совета. Доклады завед. уездн. и губ. отделами.

Дело № 268—1917 г. 3-й стол. Об организации власти на местах.

Дело № 284—1917 г. 3-й стол.—С перепиской о происшествиях в уездах Тверской губ.

Дело № 16—1918 г., связка № 42—С протоколами заседаний Губисполкомаза 5 месяцев.

Дело № 38—1918 г., связка № 44—О происшествиях в Тверской губ.

Дело № 63—1918 г., связка № 45.—О с'ездах и собраниях.

Дело № 76—1918 г., связка № 45.—Наказы делегатам, командированным уездами на губ. с'езд Советов Раб., Солд. и Крест. Депутатов, 22 (9) янв. 1918 г. и черновики протокола с'езда.

Дело № 440—1918 г.—Наряд с протоколами заседаний уездных Советов.

Материалы архива Тверского Губкома ВКП(б).

Дело № 15—1917 г. Протокольная книга Тверского Комитета РСДРП.

Дело № 6—1918 г. Протоколы бюро Губкома.

Материалы Истпарт Отдела Тверского Губкома ВКП(б).

Дело № 3—1923 г. Материал по истории развития революционного движения в Вышневолоцком уезде.

Дело № 4—1923 г. Материал по истории Октябрьской революции в Вышневолоцком уезде.

Дело № 4—1925 г. Стенографические отчеты собраний подпольных работников

Дело № 14—1925 г. Материалы собранные т. Шибаевым. Очерк рабочего движения Пролетарской М-ры.

Дело № 108—1926 г. Личное дело т. Соловьева, Д. Д.

Дело № 1—1927 г. Протоколы собраний группы содействия Истпартотделу в Москве.

Дело № 6—1927 г. Материал по Красной Гвардии за 1917 г.

Дело № 158.—1927 г. Личное дело т. Могунова, Л.

Именной указатель.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРОВОДИТЕ ПОДПИСКУ с 1 НОЯБРЯ 1927 г.

Цена 35 коп.

